

Артём Тимушев

Плывущие против течения

Сборник адвокатских очерков

Москва, 2014 г.

УДК 343.3/.7(0:82)

ББК 67.518

Т 41

Тимушев А.А.

Т 41 Плывущие против течения. Сборник адвокатских очерков. – М., 2014. – 324 с.

ISBN 978-5-600-00174-9

Тимушев Артём Андреевич – юрист, кандидат экономических наук, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы (с 2007 по 2013 г.г.)

Автор выражает благодарность и признательность Московскому Университету (институту) МВД РФ за полученное образование, Адвокатской Палате г. Москвы за предоставленную возможность работать защитником по уголовным делам, своему школьному учителю русского языка и литературы – Д.Н.К. за помощь в написании данной книги, своей жене и родителям за терпение и понимание.

© Тимушев Артём Андреевич, 2014

«...И мыслью пробежав по всем тем лицам, на которых проявлялась деятельность учреждений, восстанавливающих справедливость, поддерживающих веру и воспитывающих народ, — от бабы, наказанной за беспатентную торговлю вином, и малого за воровство, и бродягу за бродяжничество, и поджигателя за поджог, и банкира за расхищение, и тут же эту несчастную Лидию за то только, что от нее можно было получить нужные сведения, и сектантов за нарушение православия, и Гуркевича за желание конституции, — Нехлюдову с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей хватили, заперали или ссылали совсем не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа.

А этому мешала и баба, торговавшая без патента, и вор, шляющийся по городу, и Лидия с прокламациями, и сектанты, разрушающие суеверия, и Гуркевич с конституцией. И потому Нехлюдову казалось совершенно ясно, что все эти чиновники, начиная от мужа его тетки, сенаторов и Топорова, до всех тех маленьких, чистых и корректных господ, которые сидели за столами в министерствах, — нисколько не смущались тем, что страдали невинные, а были озабочены только тем, как бы устранить всех опасных.

Так что не только не соблюдалось правило о прощении десяти виновных для того, чтобы не обвинить невинного, а, напротив, так же, как для того, чтобы вырезать гнилое, приходится захватить свежего, — устранялись посредством наказания десять безопасных для того, чтобы устранить одного истинно опасного.

Такое объяснение всего того, что происходило, казалось Нехлюдову очень просто и ясно, но именно эта простота и ясность и заставляли Нехлюдова колебаться в признании его. Не может же быть, чтобы такое сложное явление имело такое простое и ужасное объяснение, не могло же быть, чтобы все те слова о справедливости, добре, законе, вере, боге и т. п. были только слова и прикрывали самую грубую корысть и жестокость...»

Лев Николаевич Толстой

*На черный день усталый танец пьяных глаз, дырявых рук,
Второй упал, четвёртый сел, восьмого вывели на круг.
На провода из-под колес, да на три буквы под асфальтом
В тихий омут буйной головой... холодный пот, расходятся круги...*

*Железный конь. Защитный цвет. Резные гусеницы в ряд,
Аттракцион для новичков - по кругу лошади летят,
А заводной калейдоскоп гремит кривыми зеркалами...
Колесо вращается быстрее, под звуки марша - головы долой.*

*Поела моль цветную шаль. На картах тройка и семёрка,
Бык, хвостом сгоняя мух, с тяжелым сердцем лезет в горку,
Лбов бильярдные шары от столкновенья раскатились
Пополам по обе стороны, да по углам просторов и широт.*

*А за осколками витрин - обрывки праздничных нарядов,
Под полозьями саней - живая плоть чужих раскладов.
Под прилавком попугай из шапки достает билеты
На трамвай до ближнего моста, на вертолёт без окон и дверей,
И в тихий омут буйной головой, а колесо вращается быстрее...*

Янка Дягилева

Предисловие

А здесь что останется?

Как что – менты...

Из к/ф «Бумер»

Только когда плывешь

против течения,

Понимаешь, чего стоит

свободное мнение

Сергей Шнуров

Доброго времени суток, уважаемый читатель!

Перед тобой сборник адвокатских очерков, основанных на реальных событиях из жизни реальных людей. По понятным причинам все паспортные данные персонажей книги изменены, и любые совпадения можно смело считать случайными.

Юридическую составляющую всех описанных здесь историй автор постарался заменить художественностью изложения материала. Все истории датируются 2007-2012 годами, т.е. данная книга, можно сказать, является своеобразным литературным резюме первых пяти лет практики адвоката Артема Тимушева.

Современная Российская адвокатура – как она есть. Без лишнего пафоса и помпезности, но в то же время и не без элемента приключений и авантюры. За самыми дерзкими, хитрыми и жестокими преступлениями всегда стоят всего лишь обычные люди, которые, оказавшись один на один с государственной машиной уголовного судопроизводства, зачастую вызывают не меньшее сострадание и сочувствие, чем жертвы их преступлений.

Человеческая фантазия, так же как и колорит человеческих страстей и отношений, безгранична. Именно поэтому человек, несмотря на все эволюционные изменения и изыски цивилизации, по-прежнему остается всего лишь человеком.

Лица, привлекаемые к уголовной ответственности, такие же люди, как и мы с вами, и у них, так же как и у нас, есть права и законные интересы, подлежащие защите, а защитить себя человеку, помещенному в запущенный механизм уголовного процесса современного государства, весьма и весьма непросто.

О защите прав человека перед лицом сурового государства и строгого закона и написана эта книга.

Пират 21 века

Взрыв потряс окружающий мир. Облако горячего песка взлетело в воздух и накрыло солдат. Массивное тело, переливаясь металлом на солнце, стремительно вынырнуло из песка и столь же быстро в него ушло.

- К тем постройкам! – кричал капитан, стараясь как можно быстрее бежать по мелкому зыбучему песку.

Несколько бойцов, из числа оставшихся в живых, неслись за ним, уходя от погони инопланетного существа. Оно походило на кошмар, созданный из непробиваемого металла, с разрушительным оружием и невероятной способностью перестраивать свое тело из одной формы в другую.

Солдаты добежали до небольшой деревни в три-четыре дома, одиноко расположенной среди пустыни. Несколько людей в длинных белых одеждах со страхом и любопытством смотрели на запыхавшихся мужчин в камуфляжной форме с оружием в руках.

- Джонсон, нам нужна связь с центром! Занять оборону!

Гибкое тело существа с хвостом и клешнями скорпиона выпрыгнуло из песка и нанесло удар по деревне. В ответ прозвучали многочисленные выстрелы. Пули острыми жалами бились в тело противника, не причиняя ему вреда.

- Да что это за тварь такая?!

- Вау, - заворуженно произнес покупатель - безусый паренек лет семнадцати. – А чего такое качество хреновое?

- Так это же «экранка», - пояснил Вадим.

Парень повертел в руках коробку от диска с ярким вкладышем, на котором были изображены могучие роботы. Над их головами растянулось название

фильма «Трансформеры» - самая ожидаемая премьера этого года. Молодой покупатель, прищурившись, взглянул на Вадима.

- Так он же только через неделю в кинотеатрах пойдет, - подозрительно произнес он. – Это что – «пиратка»?

Продавец, двадцатипятилетний юноша в темных джинсах и футболке, с хитроватым прищуром, с укором посмотрел на подростка.

- Это у нас он выйдет только через неделю, а в Европе уже месяц идет – оттуда этот диск и доставили, - объяснял Вадим парню, словно маленькому ребенку. – Мой начальник лично туда ездил, чтобы его привезти. Бери, не бойся. Увидишь фильм раньше, чем все твои друзья, - уговаривал он.

Покупатель некоторое время раздумывал, поглядывая то на коробку из-под диска, то на нечеткое, размытое видео с одnogолосым переводом. На его лице читалось сомнение, вперемешку с неуверенностью и любопытством.

- А, давай, - махнул он рукой и достал из заднего кармана шорт кошелек.

Вадим быстро достал диск из портативного DVD-плеера, убрал в бокс и протянул было парню, но неожиданно предложил:

- Кстати, есть еще сборник отличных фильмов. Качество хорошее, четыре фильма на диске, и каких. Всего сто двадцать рублей стоит, - выпалил он, показывая на лежащую на прилавке коробку «Новинки №25». – Такого диска больше нигде не найдешь.

На этот раз парень думал еще меньше, отдал Вадиму деньги, засунул два диска в широкий карман и направился к выходу из павильона. Продавец убрал деньги в кассу, поставил в плеер недосмотренный ранее фильм и удобно расположился на стуле, откинувшись на его спинку. Не прошло и пяти минут, как в зал

павильона вошел неприметного вида мужичок с взлохмаченными волосами и чуть сгорбленной спиной. Сквозь толстые линзы очков, расположенных на кончике его слегка приплюснутого носа он осматривал разложенные на прилавке коробки с дисками. Следом за ним в павильон вошли девушка с парнем и принялись рассматривать диски, выставленные на стойках.

Мужичок осмотрелся и направился к Вадиму. Тот, посетовав про себя, что опять не дали досмотреть фильм, выключил DVD-плеер и посмотрел на нового покупателя, скупно улыбнувшись.

- Могу я вам помочь?

«Сгорбленный» покивал головой и быстро оглянулся.

- Мне чего-нибудь из новенького, - попросил он.

Вадим быстро назвал несколько киноновинок, которые недавно вышли на экран.

- Вас что-то конкретное интересует: боевик, комедия, фантастика, эротика, драма... - перечислял он.

- Э-э, фантастика, - неловко перебил его мужичок и уточнил чуть севшим голосом: - совсем новая.

Вадим с любопытством посмотрел на покупателя, на всякий случай уточнил, насколько фантастика должна быть новая и, получив ответ, что «самая новая», достал из-под прилавка диск с еще не вышедшим в Российский кинопрокат фильмом «Трансформеры».

- Это самый свежий фильм. Новее пока ничего нет. Брать будете?

- Ага, давайте, - согласился «сгорбленный», доставая деньги из внутреннего кармана потрепанного пиджака. - Может, еще что-то есть? - с надеждой посмотрел он на юношу.

Тот достал еще несколько дисков, один из которых был «Новинки №25», такой же, как и тот, что он продал несколько минут назад. Покупатель быстро

отсчитал деньги, вручил их Вадиму и дождался, пока тот пробьет ему чек.

- Гарантия на диски две недели, - напомнил юноша.

- Это мы учтем, - к Вадиму вплотную подошел молодой человек стоявший с девушкой, он достал из внутреннего кармана куртки и картинно развернул удостоверение сотрудника милиции. – Проверочная закупка, - хищно улыбнулся он.

- Я растерялся, - в который раз оправдывался Вадим, рассказывая по моему кабинету. – Меня никто не предупреждал, что может быть такое. Конечно, я не знал, что мне делать.

- Вам нужно было позвонить вашему руководству, - запоздало посоветовал я. – В таких ситуациях это самое разумное действие.

Вадим грустно посмотрел на меня.

- Разумное - покачал он головой. – Они как начали на меня кричать: показывай, говорят, что у тебя там еще есть интересного. Потом в подсобку зашли и там начали копошиться, вытащили на прилавок несколько десятков дисков и сказали, что они тоже контрафактные - затравлено промычал Вадим и обессилено опустился на стул.

- Серьезное дело, - озадаченно произнес я.

Начало июля 2007 года было жарким и сухим, но почему-то именно в этот день с утра прошел дождь: стремительный, сильный, длившийся всего минут десять и оставивший на асфальте небольшие, быстро подсыхающие лужи. Он грубо обрушился из проходящей мимо тучи и так же резко закончился, вытесненный с небосклона солнцем. Я застал его, когда ехал в свой офис.

Мой первый кабинет тогда больше напоминал каморку, в которой помещался лишь стол, пара стульев и небольшой шкаф, в котором хранились книги по юриспруденции и кодексы. На столе располагался небольшой монитор, а сам системный блок прятался под столом, из-за чего трудно было вытянуть ноги. Тем не менее, это был мой кабинет, куда ко мне приходили люди, которым была нужна моя помощь.

Вначале двенадцатого кто-то постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вошел юноша лет двадцати пяти – двадцати семи с взъерошенными волосами, тонкими губами и встревоженным взглядом. Он сразу же сел на стул, выжидающе посмотрел на меня, но как только я попытался завести разговор, тут же перебил:

- Вы ведь адвокат, да? Ну, там помогаете всяким, кто в... беду попал? – неуверенно начал парень.

- Пытаюсь, - честно признался я. – Может, представитесь для начала? Меня, например, зовут Артем Андреевич Тимушев.

Юноша показал пальцем на табличку на моем столе.

- Я умею читать. А я... - он замолчал на несколько секунд, словно пытался вспомнить свое имя. – Вадим Толочко, - представился он, наконец.

- По какому вопросу вы пришли, Вадим? – любопытствовал я.

Парень вновь задумался и выдал:

- В тюрьму не хочу садиться, - наклонился он ко мне через стол. – Вы ведь можете помочь, да?

- Ну, - замялся я буквально на секунду, но быстро взял себя в руки. – Расскажите, кто и за что вас пытается посадить в тюрьму, тогда и посмотрим, что я могу для вас сделать, - предложил я, при этом доставая из ящика стола несколько листов бумаги и ручку.

Так я познакомился с Вадимом Михайловичем Толочко, моим будущим клиентом, дело которого успело вымотать нервы не только мне, но и следователю, а развязка получилась более, чем неожиданной – такой, что я и предположить не мог.

Как рассказал мне Толочко, он приехал в Москву из Украины. До двадцати пяти лет жил в Украине, в небольшом селе, где была лишь школа, магазин да небольшой кинотеатр с дискотечным клубом – единственные развлечения для молодежи. Как это обычно бывает, работы в сельской местности не так много, а то, что предлагали, не устраивало самого парня, у которого было желание много зарабатывать и не очень сильно напрягаться. Поэтому он и решил податься на заработки в Москву, где уже несколько лет жил его старший брат, занимающийся торговлей мобильными телефонами. Он-то и устроил его по шапочному знакомству продавать диски. Так как Вадим в России находился вроде как незаконно, то есть без регистрации, то и на работу его приняли, не заключая никаких договоров и минуя оформление трудовых отношений.

Работа была не самая высокооплачиваемая, но и не "пыльная", тем более, что Вадим мог смотреть все киноновинки, которые часто привозил хозяин павильона. Однако Толочко, с его слов, даже не подозревал, что вместе с лицензионными дисками торгует и «левой» продукцией, что является тяжким преступлением и уголовно наказывается. Так он неспешно и работал, пока в один из летних дней к нему не заглянули оперативные сотрудники окружного управления по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП) и после проверочной закупки контрафактных дисков закрыли павильон, а вместе с этим пообещали «закрыть» и самого Вадима.

- Они сказали, что я нарушил чье-то авторское право и теперь они меня... - парень со всего размаху плюхнулся на стул, обхватив голову руками.

- Не волнуйтесь. Насколько я понимаю, следователь вас еще не допрашивал?

Вадим согласно кивнул.

- Тогда будем разбираться по порядку. Следователь вас уже на допрос вызывал?

- Сказал явиться через два дня, - уныло произнес Толочко. – И что мне делать, о чем с ним говорить? А если он начнет что-то про авторские права, я же в них вообще не разбираюсь, - вновь заволновался он.

Пришлось успокоить парня, пообещав, что на допрос к следователю он пойдет вместе со мной и будет там делать и говорить то, что я ему посоветую.

После того, как мы подписали с Вадимом соглашение на его защиту он заметно успокоился. В итоге мы с ним договорились встретиться возле УВД в назначенный следователем день.

Само окружное Управление Внутренних Дел – массивное многоэтажное здание – располагалось возле оживленной автомобильной дороги, словно нависая над ней своим высоким решетчатым забором. Солнечные зайчики отражались от десятка окон и, казалось, что здание светиться, так что я посматривал на него, прищурив глаза. Возле входа стояло несколько сотрудников в форме, и курили, обсуждая какие-то свои дела. Ожидая Вадима, я тоже закурил перед крыльцом УВД.

В недокуренной сигарете оставалось еще несколько затяжек, а на улице появился Вадим Толочко. Шел торопясь, словно боялся опоздать, хотя до назначенного следователем времени допроса оставалось еще более получаса. Увидев меня, приветливо помахал мне рукой, но тут на него неожиданно взглянул один из милиционеров, и Вадим резко опустил руку, будто

испугался. Торопливо подошел ко мне, поздоровался, стараясь не смотреть на стоявших на крыльце милиционеров, хотя они даже не обращали на него внимания. Я докурил, бросил сигарету в урну и мы вместе с Вадимом вошли в здание УВД.

Кабинет следователя Валентина Дьяконова располагался на третьем этаже. Я постучал в дверь, и, не дождавшись ответа, подергал ручку – кабинет был заперт.

- Видимо, еще не подошел, - предположил Вадим, явно нервничая.

Следователь появился в начале одиннадцатого. Неторопливо прошел к своему кабинету, коротко взглянул на нас. Открыл дверь.

- Через пять минут зайдите, - бросил он и вошел в кабинет.

- Через пять так через пять. Не так уж и много времени, всего-то пять минут, - нервничал Толочко.

У меня на тот момент была еще не такая большая адвокатская практика, но столь сильно переживающего клиента еще не было. Пока мы выжидали назначенные минуты, он мерил шагами длинный коридор, в такт постукивая себя по ногам сжатыми кулаками.

- Пошли, - позвал я Вадима и первым вошел в кабинет.

Дьяконов вопросительно посмотрел на нас, словно уже забыл, что сам же нас и приглашал, но при взгляде на Вадима взор его просветлел, а вот ко мне он отнесся с неким подозрением.

- Это мой адвокат, - выпалил юноша, прежде чем следователь успел что-либо нам сказать.

Было видно, что следователю это не очень понравилось. Он что-то пробурчал себе под нос и приглашающе кивнул на стулья. Мы сели, и я неспешно оглядел кабинет.

Небольшое помещение с широким выходящим во двор окном, за которым виднелась коробка кондиционера. Одна половина окна была открыта, и в кабинет прорывался ненавязчивый шум улицы. Мы сидели перед простым офисным столом, на котором располагился монитор компьютера, пластмассовый канцелярский набор, телефон и чья-то фотография в металлической рамке. Самому Дьяконову было лет тридцать пять: среднего роста и телосложения, с крючковатым носом, глубоко посаженными темными глазами и немного выпяченной нижней губой. За спиной следователя раскинулся шкаф со стеклянными дверьми, в котором стояли кодексы и какие-то толстые папки.

Валентин посмотрел на повестку, протянутую ему моим клиентом.

- Толочко, значит. 146-ая статья уголовного кодекса вам полагается, - следователь не спрашивал, а констатировал. – Нарушение авторских прав в особо крупных размерах, это до шести лет лишения свободы. Есть что сказать? – обратился он к Вадиму.

- Есть, - произнес я. – Каким образом вы высчитывали оценку стоимости контрафактных дисков, что от двух проданных дисков у Вас получился «особо крупный размер ущерба»?

Следователь буквально на секунду призадумался, но тут же лукаво улыбнулся и достал из лежащей на столе папки листы бумаги.

- В начале июля нынешнего года Толочко продал два DVD-диска с фильмами «Трансформеры» и «Новинки №25». Первый фильм еще не вышел в прокат, и продажа его уже сама по себе является нарушением авторских прав, - сухо зачитывал Валентин документ, даже не глядя в мою сторону.

Вадим от каждого его слова все больше сжимался на стуле, держась руками за края сидения.

- На втором диске также обнаружили дорелизные фильмы. Исходя из этого эксперты сделали вывод, что авторам данных фильмов был нанесен ущерб в размере более чем одного миллиона рублей, что и является «особо крупным размером». Данную сумму они рассчитали по официальной стоимости прав на релиз каждого фильма на территории России.

Толочко после оглашения суммы ойкнул и побледнел.

- Мы проведем независимую экспертизу, - сразу сказал я. – Продажа двух дисков, пусть и с не вышедшими в прокат фильмами, не может столько стоить.

Дьяконов оценивающе посмотрел на меня, вновь обратился к бумагам.

- Независимая экспертиза – ваше право, - словно нехотя признал он, потом взглянул на юношу: – Вот только что мне с тобой сейчас делать? Вдруг сбежишь к себе в любимое село в Украину? У тебя хоть место жительства в Москве есть?.. Что значит у брата живешь? Ты там прописан?.. Нет, следовательно официально ты в Москве – бомж. Значит, подписку о невыезде к тебе применить нельзя, - задумчиво произнес следователь, потом с неким победным взором посмотрел на меня: - Давайте я вашего клиента просто арестую через суд. Там без Московской прописки с вами особо разбираться не будут, кто вы и что – закроют в СИЗО, и будете там до приговора штаны протирать.

Я понимал, что следователь имеет полное право так поступить, так как у Вадима нет Московской регистрации, и обвинение ему предъявлялось довольно серьезное, но видя, как Толочко реагирует на эти заявления, я осознавал, что парню нельзя в следственный изолятор, он там просто с ума сойдет. Поэтому я решил пойти на небольшую хитрость. Суть ее заключалась в том, что Вадим соглашается признать

факт продажи двух дисков с дорелизными фильмами, т.е. формально признает предъявленное ему обвинение, а вот с размером причиненного им ущерба мы еще поспорим.

- Это уже интересно. Продолжайте, - следователь Дьяконов, переплетя пальцы, наклонился в нашу сторону.

- Мой подзащитный не оспаривает факт продажи этих злополучных дисков, а вы в свою очередь раньше времени не пытаетесь лишить его свободы, - предложил я.

- И что вы предлагаете?

- Толочко обязуется являться на каждый ваш вызов. Я так понимаю, их будет еще не мало.

Следователь согласно кивнул, произнес скорее для себя:

- Да уж, придется поработать.

- Я и предлагаю вам самый оптимальный вариант. Вы сами понимаете, что Толочко не представляет опасности для общества, он лишь продавал диски, но не изготавливал их. Да и преступление это не насильственное, и мой подзащитный признает сам факт продажи этих дисков.

Дьяконов некоторое время раздумывал над моими словами. Понятно, что ему тоже не хотелось заниматься бюрократией, когда можно было обойтись малыми затратами сил и времени. Как адвокату, конечно, мне тоже не хотелось, чтобы клиент находился под стражей. Здесь не только забота о подзащитном, но и собственная выгода. Например, чтобы получить разрешение на «свидание» в СИЗО и поговорить с клиентом, уходит минимум целый рабочий день. Стоит же представить, что таких встреч может понадобится несколько, и перспектива с арестом обвиняемого в СИЗО уже не устраивает ни защиту, ни обвинение.

- Хорошо, - к всеобщему облегчению согласился Дьяконов, но тут же поставил условие: - Если он, - тычок пальцем в сторону парня, хоть раз не явится ко мне по повестке, я его точно арестую.

Я согласно кивнул, Вадим, глядя на меня, тоже судорожно закивал головой. За все время нашей беседы он не произнес ни слова. Пока же наш первый допрос был закончен. Несмотря на обвинение в совершении тяжкого преступления и отсутствия постоянной регистрации по месту производства следственных действий Вадим остался на свободе, и это было самое главное. Мы вышли с Толочко на улицу, и я закурил.

- Не угостите? – попросил клиент, сильно затынувшись дымом, пытаюсь успокоиться.

Я знаю, что значит разговаривать со следователем. Даже если ты ни в чем не виноват, все равно сидишь и нервничаешь. Что же говорить, когда тебя обвиняют в преступлении, и при этом обещают посадить в тюрьму на несколько лет. И ты не знаешь, выйдешь ты от следователя сам или тебя уведут от него в наручники.

- Что мне теперь дальше делать?

- Не волноваться, - посоветовал я. – Следователь был прав – бегать нужно будет много, главное ничего не упустить. Твоя же задача добросовестно являться по первому требованию следователя, даже если это будет происходить каждый день. К тому же, - я сделал затяжку и выпустил дым в чистое голубое небо, - надо провести независимую экспертизу по проданным тобою дискам, чтобы эксперты оценили реальный ущерб от твоих действий, а не тот, о котором говорит Дьяконов.

На этом мы с Вадимом и распрощались. Задачи были ясны, осталось воплотить их в жизнь.

Поиск независимых экспертов с одной стороны дело нехитрое, с другой же стороны достаточно хлопотное, так как фирм производящих экспертизы на

предмет нарушения авторских прав в Москве достаточно много, а выбрать нужно одну.

Также нужно было договориться со следствием, попросить на время предоставить изъятые у Вадима DVD-диски, чтобы с ними могли поработать наши эксперты.

Первоначальное обсуждение предстоящей работы происходило по телефону. Молодой бодрый голос для начала уточнил время и дату проведения экспертизы. Естественно, что она была нужна как можно раньше. Вот встречу с экспертом и пришлось назначить в том же УВД, в кабинете следователя, где хранились диски. Следователь согласился выдать их лично эксперту и под расписку. Так что на следующий день я встретился с экспертом - мужчиной лет сорока в очках, с бородкой, в строгом костюме и черным кожаным чемоданчиком в руках. Мы поднялись в кабинет к Дьяконову, которого о нашем визите я предупредил еще вчера вечером. Не похоже, чтобы он был особо рад нашему появлению, к тому же нам пришлось ждать минут двадцать, пока он закончит свой очередной допрос. Лишь после этого мы зашли к нему в кабинет.

Я представил эксперта и сразу перешел к делу, так как на сегодня было запланировано еще несколько встреч и время поджимало.

- Диски я отдам только ему, - строго произнес следователь. - И вернет он их тоже лично, чтобы не вышло, что наши эксперты изучали разные диски.

Дьяконов поставил на стол пачку с DVD-дисками, запечатанными в целлофан. Рядом положил документы, которые должен был подписать приглашенный мною эксперт. После оформления всех необходимых документов, эксперт открыл свой чемодан и убрал туда вещественные доказательства. Мы вышли на улицу.

- Экспертиза займет дней пять. Я понимаю, что вам она нужна как можно скорее, но учитывая специфику данных фильмов, а именно то, что некоторые из них еще не вышли в официальный прокат, мне необходимо будет произвести дополнительные расчеты, - профессионально сухо констатировал специалист.

Видно, что такую работу он делает не в первый раз.

- Хорошо, - согласился я. - Делайте, сколько нужно, только тщательно – от этого многое зависит.

- Не волнуйтесь, я не первый год занимаюсь подобными исследованиями.

На этом мы и попрощались. Теперь оставалось только ждать результатов исследования дисков, а пока нужно пообщаться с операми, которые производили проверочную закупку.

Чтобы назначить эту встречу, мне понадобилось несколько дней. Это только кажется, что по первому звонку адвоката любой человек стремиться с ним пообщаться, на самом деле зачастую для того что бы просто поговорить с человеком приходится ждать и откладывать встречу по несколько раз.

. За это время я еще раз встретился с Вадимом, чтобы уточнить кое-какие детали его задержания.

В этот раз парень выглядел куда более спокойным, кажется, он уже смирился с тем, что против него возбудили уголовное дело.

- А меня уволили, - вместо приветствия произнес юноша. – Директор так и сказал, что я дурак, если сразу ему не позвонил, когда в нашу палатку опера пришли. Я же не знал, что так нужно делать.

- Вы бумаги какие-то подписывали: протокол, акт изъятия, может объяснение писали?

Толочко задумался на некоторое время, почесывая висок.

- Подписывал, - горестно выдохнул он. – Это плохо, да?

- Все зависит оттого, что вы подписали. Если признание собственной вины или явку с повинной, то это, скорее всего, используют против вас, - честно ответил я.

- Нет, - вновь задумался Вадим. – Я, конечно, мало что понимаю в законах, но точно не буду подписывать бумагу, в которой написано, что меня считают виновным, я только объяснение подписывал,... Они меня заставили, - пытался оправдаться он. – Сказали, что если не напишу, то заберут с собой в отдел, а после в тюрьму посадят. А я не хочу в тюрьму!

В голосе молодого человека было уныние и некое смирение, будто он потерял веру в себя или уже устал бороться, хотя с момента возбуждения уголовного дела прошло не больше десяти дней.

- Никто вас пока в тюрьму сажать не будет, - успокаивающе произнес я. – Независимые эксперты сейчас исследуют диски. Со следователем мы на счет ареста договорились. Странно, что вас еще не вызвали для дачи показаний.

- Почему не вызывали? – удивился Вадим. – Я их дня два назад дал. Следователь позвонил и сказал, чтобы я пришел без вас. Ну, я все ему и рассказал: как работал в том павильоне, как продавал диски - простодушно поведал он.

От такого признания я ненадолго замер, быстро прокручивая в голове, чем все это может обернуться для нашего дела.

Стараясь сдерживать праведное негодование, я посоветовал клиенту в следующий раз звонить мне и предупредить, если его вызывает следователь.

- Все ваши показания должны быть согласованы со мной, - поучал я юношу. – Это делается для того, чтобы вы не сказали чего-то лишнего или то, что можно

будет использовать против вас. Ведь следователь пишет ваши показания на компьютере и порой не правильно их записывает, не потому что он безграмотный, а для того чтобы укрепить свое обвинение. Так что в следующий раз без меня к следователю ни ногой.

Вадим внимательно кивал, напуганный тем, что сделал. Пришлось успокаивать его, говорить, что мы вместе ходим к следователю, и я почитаю протокол его допроса.

С оперативными сотрудниками, которые производили проверочную закупку в торговом павильоне, где работал мой клиент, мне удалось встретиться лишь через несколько дней после моего последнего разговора с Толочко перед очной ставкой.

Сидя в кабинете следователя вместе с Вадимом, я рассматривал двух молодых людей – парня и девушку. Обоим было лет двадцать пять – двадцать семь. Парень коротко подстрижен, а девушка с длинными, ниже лопаток волосами. И что-то в этих оперативниках было общее, чем-то они походили друг на друга: то ли глаза, то ли губы.

- Оперативные сотрудники Сергей Богачев и Светлана Лескова, - представил следователь своих коллег.

- Супруги? – почему-то уточнил я, хотя это не имело никакого отношения к делу.

- Наталья – моя троюродная сестра, - ответил мне молодой опер, и я удивленно взглянул на милиционеров.

Не часто в моей практике приходилось встречаться с таким тандемом. Теперь стало понятно, почему они так походили друг на друга. Однако их родственные связи никак не относились к делу, поэтому пришлось оставить эти размышления и начать работать по существу.

Меня, как защитника, в первую очередь интересовала правомерность проверочной закупки. Для такого мероприятия нужно разрешение от начальства, которое дается после рапорта оперативника с обоснованием необходимости его проведения.

- Имеется такое разрешение, - кивнул Сергей Богачев и постучал согнутым пальцем по папке с какими-то бумагами. - Тут же мой рапорт с обоснованием необходимости производства данной проверки. Если хотите, можете, посмотреть.

Естественно, я хотел изучить все эти документы. Одно из первых, чему научила меня работа адвокатом – не верь никому: любое слово, действие и даже бездействие должно быть документально подтверждено, так как в суде исследуются конкретные доказательства - документы, а не досужие мысли и умозаключения.

- Проверочная закупка – представляет собой совокупность действий по искусственному созданию органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (сотрудником оперативного подразделения), ситуации мнимой сделки купли-продажи, в ходе которой с целью получить оперативно значимую информацию с ведома и под контролем органа, осуществляющего ОРД, приобретается товар (без цели потребления и сбыта) у лица - объекта оперативной заинтересованности, обоснованно подозреваемого в противозаконной деятельности (обмане потребителей, торговле запрещенными товарами и т. д., - заученно бурчал Сергей.

Пришлось невежливо прервать его.

- Я знаю, что это такое. Лучше скажите, кто вас навел на павильон с Толочко?

Оперативники немного напряглись.

- Это служебная информация, - сказала Наталья. – Мы имеем право не разглашать имена наших внештатных информаторов.

- Стукачей что ли? – недопонял мой клиент. – Хотите сказать, что на меня кто-то настучал? То есть, какая сво...

- Вадим, давайте я буду говорить, - пришлось мне резко прервать Толочко, пока он от злости не сказал что-нибудь лишнее. Кабинет следователя не то место, где стоит поддаваться эмоциям. Я взглянул на оперов: - Хорошо, можете не говорить, я и так вижу, что проверочная закупка была проведена по чьей-то наводке.

Чаще всего так оперативные мероприятия и проходят. В органы внутренних дел поступает сигнал о некоем правонарушении: обмане потребителей, мошенничестве, торговле предметами, изъятыми из гражданского оборота или как в нашем случае – «пиратскими» дисками. После этого и проводится проверочная закупка, которая либо подтверждает, либо опровергает данную информацию.

Как некогда учил меня преподаватель по ОРД – сам бывший опер: есть три вида проверочной закупки – легендированная, контрольная и негласная, но прежде чем провести любую из них, оперативным сотрудникам необходимо получить разрешение и денежные средства на проведение этого мероприятия у руководства.

Порой такую операцию оперативные сотрудники лишь контролируют, доверяя закупку подставным лицам, которые впоследствии становятся свидетелями по уголовному делу.

Оперативники, дополняя друг друга, поведали, как проводили проверочную закупку контрафактных DVD-дисков, одновременно сопровождая свой рассказ документами. Все необходимые бумаги были оформлены правильно. К тому же Дьяконов предъявил мне допрос Толочко в качестве подозреваемого, где он признавался, что продал два диска «какому-то мужчине».

В данной ситуации к чему-либо придраться было сложно, да и бессмысленно. Очная ставка, проведенная позже, в итоге свелась лишь к уточнению показаний самого обвиняемого Толочко. Мы с Вадимом основной упор делали на то, что продал он всего два контрафактных диска по сто двадцать рублей каждый, и поэтому не мог причинить правообладателям ущерб в особо крупном размере.

- Изъятые DVD-диски с фильмами предназначались для частного домашнего просмотра. Учитывая, сколько стоит билет на сеанс просмотра данных фильмов в кинотеатре, ущерб от их незаконной реализации даже по самым невероятным оценкам составляет менее пятидесяти тысяч рублей, что никак не может расцениваться как крупный и, тем более, как особо крупный. Так что к моему клиенту часть третья статьи 146-ой УК РФ применена быть не может, - настаивал я, указывая на письменные показания самих оперативников, которые купили диски «Трансформеры» и «Новинки №25» именно по сто двадцать рублей, что было отражено в соответствующих объяснениях и протоколах.

- У меня в деле уже есть экспертиза. Эксперты оценивают ущерб нанесенный правообладателям этих фильмов более, чем в двести пятьдесят тысяч рублей, а это особо крупный размер, - в свою очередь утверждал Дьяконов, но в его голосе при этом слышалась определенная неуверенность.

Похоже, он и сам не особо верил, что два контрафактных диска могут нанести правообладателям такой огромный ущерб.

- Какие же они упертые, - с раздражительностью высказался Вадим, когда мы покинули кабинет Дьяконова, завершив очную ставку. – Проще капризного осла с места сдвинуть, чем их в чем-то переубедить.

Я молча шел к выходу из УВД, но внутренне был согласен с образным суждением Толочко. После такой болезненной очной ставки больше всего сейчас мне хотелось выйти скорее на улицу и закурить.

Вечером дома, я прокручивал в голове события прожитого дня. Выводы были весьма неутешительные. Понятно, что следствие будет стоять на своей версии, указывая на особо крупный размер ущерба от продажи этих двух злополучных контрафактных DVD-дисков. Моя же задача состояла в том, чтобы Вадима по этому делу хотя бы не посадили.

- Результаты нашей экспертизы будут только завтра, - негромко напомнил я себе, написал это в своем блокноте и несколько раз подчеркнул написанное. – От него и будем исходить...

Утро нового дня выдалось жарким. На небе ни облачка. Солнце работало с неистовой силой, словно боялось не успеть раскалить землю до полудня. Распахнутые окна не спасали от надвигающейся духоты, тем более, что никакого ветра не было и в помине. Я несколько минут ворочался в постели, ожидая звонка будильника, но он как назло не торопился, испытывая мое терпение. Устав лежать, я откинул одеяло в сторону, сел на кровати и посмотрел на часы – до тревожного звонка будильника оставалось еще пятнадцать минут. Зевнув, я направился в душ. После душа, стараясь не шуметь, быстро оделся и выскользнул из дома. У супруги выходной, пускай выпится, я же спешил на работу.

Из полупустого автобуса я с удовольствием наблюдал за свободными от народа улицами. Через какой-то час они будут заполнены спешащими на работу людьми. В автобусы, спешащие к метро, нельзя будет не то чтобы сесть, но и встать, чтобы проехать всего лишь несколько остановок. Я не торопясь доехал до офиса,

вошел в свой маленький кабинет, сел за стол и включил компьютер. Пока он загружался, приготовил себе кофе, вытащил из портфеля купленное по дороге печенье и наконец-то позавтракал.

Настроение было задумчивое. Позвонили из независимой экспертизы и сказали, что на экспертную оценку предоставленных материалов им понадобится еще какое-то время: что-то у них там со стоимостью релизного проката не получается, то ли выяснить не удастся, то ли посчитать. Конечно, в этом не было ничего страшного, порой на ожидание заключения экспертов уходит гораздо больше времени, чем заявлено изначально, но меня это почему-то расстроило.

Я раскрыл адвокатское досье, в котором находились все собранные документы по делу Толочко и снова начал их перечитывать. Материалов было собрано уже достаточно для того, чтобы начать обдумывать взвешенную и аргументированную позицию защиты. Да, кстати, надо же еще на очную ставку с понятыми съездить.

Следственные действия были назначены на два часа, так что первую половину рабочего дня я просидел в кабинете с периодически обновляемой чашкой кофе. Когда настало время ехать в УВД, я с радостью закрыл свой кабинет и чуть ли не бегом направился на улицу.

- Они представились сотрудниками милиции и попросили нас с другом быть понятыми. Я никогда не был понятым, так что мне стало интересно, поэтому и согласился. Думал, будем опознавать какой-нибудь труп или маньяка очередного, а на деле – пришли в павильон с видео-дисками, нам показали на вот этого парня и сказали, что он торгует «пиратскими» фильмами. Потом вот эти двое зашли к нему в подсобку и вынесли оттуда еще несколько пачек дисков, сказали, что конфискуют их для проверки. Мы стояли и кивали головами, потом

подписали какие-то бумажки. А они сказали, что если понадобится, нас вызовут повесткой, - болезненно шмыгнул носом первый понятой.

- Если я вас правильно понял, Антон, оперативники привели вас, с вашим другом – Костей в павильон к Толочко Вадиму, где они изъяли несколько контрафактных дисков. После чего составили протокол, который вы с другом подписали? – я вопросительно посмотрел на молодого человека лет восемнадцати с взъерошенными волосами и висящими на шее массивными наушниками.

- Типа того, - кивнул тот. – Мы рядом стояли – вот нас и позвали.

- А нас по телеку показывать будут? – из коридора подал голос второй понятой - Костя, великовозрастный оболтус, который не выпускал из рук смартфон, периодически заглядывая в него, словно в зеркало.

- Нет, - холодно ответил следователь Дьяконов. – Вас вызвали на очную ставку, чтобы уточнить кое-какие вопросы, так как вы являетесь понятыми по расследуемому мною уголовному делу. К сожалению, - добавил, он еле слышно.

Для нас с Толочко эта очная ставка носила скорее формальный характер, так как показания понятых в принципе в деле ничего уже не меняли. Слова понятых лишь подтверждали законность действий сотрудников ОВД по изъятию дисков.

И я, и Дьяконов, и даже Вадим понимали, что от них много толку не будет и очная ставка больше походила на блиц-опрос.

Мне уже больше была интересна не очная ставка и даже не то, что сам следователь бьется с понятыми, пытаясь добиться от них вразумительных ответов, на банальные вопросы. Я отвлеченно смотрел в окно и наблюдал за небом, с его синими тропами, которые

проложили свой путь среди собирающихся туч. Цвет его неторопливо перекрашивался из голубого в темно-серый.

- Скоро дождь будет, - ни к кому конкретно не обращаясь, сказал я.

- Ага, сильно ливанет, - поддержал меня Вадим, глядя в окно и подперев кулаком подбородок.

За то время, что мы с ним ходили к следователю, Толочко уже перестал нервничать и бледнеть всякий раз, как речь заходила об уголовном деле. Он стал более спокойным, даже успел уже устроиться на новую работу - курьером на фирму к своему старшему брату.

Звонок мобильного телефона резко вывел меня из задумчивого созерцания неба. Понятой Костя тут же посмотрел на свой смартфон, и на его лице отразилась легкая разочарованность. Обычно на допросах я отключаю звук на своем телефоне, но сегодня почему-то забыл это сделать. Посоветовав Вадиму ничего не говорить, пока не вернусь, я вышел в коридор.

- Артем Андреевич? - послышалось в трубке. - Это эксперт вас беспокоит. Мы закончили экспертизу предоставленных следствием материалов.

- Внимательно слушаю вас, - слегка хриплым голосом произнес я.

- Я завтра готов передать вам наше заключение, а также все материалы. Копию заключения, мы отправим вам на электронную почту прямо сейчас. А в печатном виде завтра, после полудня вас устроит?

Естественно меня это устраивало, тем более, что уже сейчас я могу посмотреть результат экспертизы, достаточно зайти в электронную почту. В кабинет следователя я вернулся воодушевленным. Очная ставка с понятыми прошла быстро, так как со всеми их показаниями мой клиент был согласен.

Уже на улице я сообщил Толочко, что независимая экспертиза готова. Быстро пересказал

разговор с экспертом и обещал позвонить, как только будут доставлены все документы. Дома я сразу же зашел на электронную почту и открыл письмо с вложенным файлом от экспертного агентства.

Опуская все официальные формулировки, вывод был таким: «...размер ущерба, причиненного правообладателям в результате противоправных действий Толочко В.М., выразившихся в сбыте 2-х DVD-дисков с находящимися на них контрафактными аудиовизуальными произведениями ... составляет 286,00 рублей». Я даже поперхнулся от такой суммы, невольно вспомнив, что следствие вменяет моему клиенту ущерб более чем в миллион рублей.

К тому же эксперты писали, что: «Хранение контрафактной продукции фактический ущерб правообладателю не наносит, поскольку диски не находятся в обращении, а следовательно не приносят доход. Таким образом, величина ущерба за хранение остальных изъятых 58 дисков равна нулю».

После получения результатов независимой экспертизы дело Вадима уже не казалось мне таким безнадежным. На основании проведенного по нашей инициативе исследования я заявил ходатайство о переквалификации действий моего подзащитного с части третьей ст. 146 УК РФ на часть первую, т.е. без признаков особо крупного ущерба.

Конечно, расслабляться было нельзя, неизвестно на чью сторону еще встанет суд, и захочет ли он принять во внимание наше экспертное заключение. Это оставалось для нас загадкой еще несколько месяцев, пока заканчивалось следствие. Следователи, как известно, в России ни куда не торопятся. Тянуть резину могут месяцами, такая у них работа.

В начале 2008 года дело, наконец-то, было передано в суд. К этому времени в деле было два экспертных заключения, одно проведенное по нашей

инициативе – где ущерб был указан по цене разового просмотра фильмов, а другое – следственное, где ущерб был основан на расчете оплаты прав правообладателей дорелизных фильмов. Размеры причиненного ущерба в этих заключениях сильно различались, при этом следователь остался при своем мнении и обвинение переквалифицировать не стал. Теперь все зависело от того, какой экспертизе доверится суд.

Конец января 2008 года выдался морозным и снежным. Из-за разгулявшейся зимней стихии Москва застыла в автомобильных пробках. За несколько дней снега намело столько, сколько не было за предыдущие два зимних месяца. Чтобы пройти по дороге, приходилось, чуть ли не по щиколотку брести в сугробах. Однако меня было не остановить – сегодня назначено долгожданное судебное заседание, на котором наконец-то все и решиться.... В целях минимизации наказания мы просили суд слушать дело в особом порядке, соглашаясь с обвинением в пиратстве, но не соглашаясь с оценкой ущерба. Главное для нас было получить для Вадима наказание не связанное с лишением свободы. В итоге, того, что произошло в суде, я думаю не смог бы предсказать никто.

Мы встретились с Вадимом перед зданием суда: оба были похожи на ходячих снеговиков с прищуренными от снега глазами.

- Готов? – поинтересовался я, стараясь отряхнуть с себя хлопья снега.

- Волнуюсь сильно, - признался Толочко. – Но я в тебя верю.

Я улыбнулся, и мы вошли в теплое здание суда.

Поднялись на нужный этаж, где присели возле назначенного зала. Перед нами было еще несколько дел, и в коридоре толпилось около десяти человек, ожидающих своей очереди. По своему печальному опыту я знал, что ожидая своей очереди под дверями

судебного зала, мы могли просидеть, и пять минут, и пять часов.

Неожиданно дверь судебного зала открылась, и в коридор вышла девушка с папкой в руках. Она пробежала взглядом по бумагам, потом осмотрела присутствующих.

- Толочко явился? – задала она вопрос, от которого Вадима передернуло.

- Спокойно, - прошептал я и посоветовал ему ответить.

- Я... Это я, - как в школе поднял юноша руку.

Девушка оценивающе взглянула на нас.

- Пройдите в зал, - сказала она и добавила: - вместе с защитником.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Вадим первым вошел в зал судебных заседаний. Я вошел следом и закрыл за собой дверь. Девушка, которая оказалась секретарем судебного заседания, взяла наши документы и переписала к себе на листок наши данные. Где-то в углу зала сидел молодой прокурор в традиционном синем кителе и синих форменных брюках и тоже что-то писал в своем ежедневнике, сверяясь, с какими-то графиками и журналами. Председательствующий судья расположился на небольшом возвышении за просторным казенным столом. Над ним величественно сиял двуглавый орел – герб Российской Федерации.

- Вадим Михайлович, вы осознаете, что торговать «пиратскими» дисками нехорошо? – неожиданно поинтересовался он.

Толочко смущенно закивал.

- Да, - судорожно произнес он, стараясь не смотреть на судью.

- Значит, вину признаете и, конечно же, раскаиваетесь?

- Да, - проблеял юноша и взглянул на меня.

Судья рассматривал какие-то бумаги у себя на столе, видимо предоставленные материалы по нашему делу.

- Вы о чем суд-то просите? – неожиданно поинтересовался судья.

- Не сажайте меня в тюрьму, - чуть ли не со слезам на глазах произнес Вадим. – Пожалуйста.

Судья сочувственно улыбнулся...

- Штраф устроит?

Признаться, я опешил от такого вопроса. Все дело в том, что санкция третьей части 146-ой статьи УК РФ не предполагает наказания в виде штрафа. Условное лишение свободы – возможно, но никак не штраф.

- Так что? Вы готовы оплатить штраф? – вновь поинтересовался судья, выводя меня из легкого ступора.

Вадим еще сильнее закивал головой.

- Да-да-да-да, - заикаясь бормотал он, расцветая буквально на глазах.

- Тогда возьмите квитанцию у секретаря, в Сбербанке оплатите, и возвращайтесь за приговором, - слегка улыбнулся судья. – Да, и Иванова в коридоре позовите, - попросил он.

Толочко бросился к секретарю, у которого чуть ли не с руками выхватил квитанцию на оплату штрафа в размере двадцати тысяч рублей. Он буквально вылетел из судебного зала и, по-моему, сотрудники Сбербанка, в котором Вадим оплачивал квитанцию, никогда не видели такого счастливого клиента.

На этом все и закончилось. В приговоре судья указал, что учитывает раскаяние Вадима в содеянном, и назначает ему наказание «ниже низшего предела санкции», применив к нему требования ст. 64 УК РФ.

Вадим и его старший брат, позвонивший мне, чтобы поблагодарить за проделанную работу были довольны и счастливы. Хотя в первую очередь, благодарить им надо было судью, который по-

человечески и с большим снисхождением отнесся к моему клиенту, хотя, при желании мог бы спокойно посадить его на пару лет в колонию за «пиратство».

Я вышел на улицу. Снег густыми хлопьями опускался на землю, покрывая ее белоснежным покрывалом. В вечернем свете фонарей множество снежинок играли со мной яркими блестящими переливами. Прищурившись, я улыбнулся, накинул капюшон куртки на голову и зашагал в сторону метро. Все хорошо, что хорошо кончается, подумал я.

Голубые ели

- Дим, привет, это Никита Шайбов. Узнал?.. Слушай, я сейчас в Москве обитаю, мне работа нужна, может, у тебя что есть?.. Угу... Да... Хорошо, понял... На Белорусском вокзале сегодня в два. Отлично, пока.

Был октябрь, в Москве заканчивалась золотая осень, и с каждым днем чувствовалось приближение зимних холодов.

Прислонившись к одной из серых колонн, и накинув на голову капюшон, на перроне стоял худощавый молодой человек лет двадцати, в джинсах и легкой болоньевой курточке, в вырезе которой виднелась белая футболка. На его плече примостился небольшой рюкзак. Серые глаза юноши всматривались в людскую толпу, пытаясь выхватить из нее знакомое лицо Димки Спиридонова, с которым он не так давно вместе отслужил срочную в армии. Время было уже четверть третьего, а его все не было. Это обстоятельство заставляло Шайбова немного нервничать.

Сам он неделю назад приехал в Москву из Смоленской области для того, чтобы найти работу, но, потыкавшись по вакансиям, указанным в газетных объявлениях, понял, что, без Московской прописки и нужных связей работу в Москве найти не так-то просто. Провинциальный парень без специальности, с едва законченным средним образованием особо был никому не нужен и не интересен. Поэтому он принялся обзванивать своих бывших армейских сослуживцев, многие из которых были москвичами. Спиридонов был десятым в его списке, и единственным, кто сказал, что возможно у него есть для Никиты работа.

Из дверей подошедшей электрички хлынула очередная людская волна, и среди выходящих Шайбов наконец-то увидел молодого человека в темных брюках, короткой куртке и почему-то в темных очках, хотя

солнце из-за туч почти не выглядывало. Его темные волосы были зачесаны назад, к ушам шли провода от плеера, которые, соединяясь книзу, уходили в карман куртки.

- Привет, Никит, - подойдя, поздоровался он и пожал протянутую руку. Потом снял очки и на Шайбова, чуть щурясь, взглянули хитрые карие глаза. - Значит, тебе работа нужна? - начал он без предисловий.

Шайбов согласно кивнул, и хотел было уже рассказать своему бывшему армейскому товарищу о своих скитаниях по Москве, но тот прервал его нетерпеливым взмахом руки.

- Есть одна работенка непыльная, - Спиридонов вновь надел очки и прислонился к колонне. - Одному моему знакомому ветеринару срочно помощник нужен, ну там принести, подать, поддержать. Ты же, как раз из сельской местности, с животными, небось, обращаться умеешь. Деньги, конечно, он тебе будет платить не очень большие, но на жизнь, я думаю, тебе хватит.

- Мне подходит, - выпалил Никита.

Спиридонов криво усмехнулся, посмотрел на товарища сквозь очки.

- Ты как к голубым относишься?

Шайбов непонимающе уставился на Дмитрия, до него не сразу дошел смысл его вопроса. Когда он, наконец, понял, о чем его спросили, его рот непроизвольно скривился.

- Никак не отношусь – они меня не трогают, я их не трогаю, - с легким пренебрежением ответил он.

Спиридонов хлопнул Никиту по плечу, широко улыбнулся.

- Вот и хорошо. Кстати, твой будущий начальник отъявленный гомик, так что ты осторожнее с ним..., ну и если что, то я тебя предупреждал – ко мне без претензий – сказал Дмитрий и захохотал, запрокинув голову.

С этого разговора и началось знакомство Никиты Шайбова с Антоном Завьяловым.

Антон Завьялов всегда был геем, по крайней мере, он так считал. Его с детства тянуло к мужчинам. Он хоть и стеснялся этого в подростковом возрасте, в дальнейшем перестал сопротивляться и стал принимать себя таким, какой есть. К своим двадцати восьми годам он успел закончить ветеринарный колледж и работал частным ветеринарным врачом, выезжая к клиентам на дом. К тому же, являясь ярким приверженцем гей-сообщества, он занимался пропагандой гомосексуализма, на почве чего написал несколько книг, которые неплохо продавались в среде таких же геев, как и он сам. Он был худым пареньком, внешность которого не соответствовала возрасту. Ниже среднего роста, в очках, с вечно не причесанной головой и большими зелеными глазами, на которые частенько западали «собратья по сообществу». Антон пользовался этим, меняя любовников чуть ли не каждый месяц.

Именно ему по просьбе Никиты Шайбова позвонил Дмитрий Спиридонов и спросил, не ищет ли он себе помощника для выездной работы.

- Есть у меня один паренек, которому сейчас работа нужна.

- Симпатичный? – первое, что спросил Антон.

- Нормальный, - уклончиво ответил он. – Так тебе помощник нужен?

- Да. Приводи его сегодня же ко мне – познакомимся.

В этот же вечер Спиридонов с Шайбовым пришли в гости к Завьялову. В однокомнатной квартире со старым диваном, компьютерным столом со стоящим на нем монитором и креслом на колесиках расположился небольшой столик с пивом, дешевым

коньяком и несколькими бутербродами с колбасой и сыром.

- Антон, - представился Завьялов, оценивая рассматривая Никиту из-под очков. – А ты, значит, работу ищешь?

Шайбов согласно кивнул, скосил глаза на стол с выпивкой и непроизвольно сглотнул. Из-за отсутствия работы, денег у него практически не было, и Никите все чаще приходилось питаться не больше одного раза в день, да и рацион его питания составляли в основном «дошираки» и «роллтоны».

Завьялов, заметив это, усмехнулся.

- Присаживайся... коллега, выпьем за знакомство.

Дмитрий пожал, протянутую ему хозяином квартиры руку.

- Ну, вы знакомьтесь, а я пойду. Никит, ты помнишь, о чем я говорил?.. Смотри аккуратнее.

Спиридонов вышел на лестничную площадку и, не дожидаясь лифта, сбежал по лестнице вниз, оставляя своего армейского товарища один на один с будущим начальником-геем. Антон Завьялов попрощался со Спиридоновым, затем захлопнул входную дверь и запер ее на ключ.

На следующий день Никита встретился с Димой на том же Белорусском вокзале. Шел мелкий морозящий дождь и Шайбов стоял под козырьком перрона и пил пиво, часто прикладываясь к темно-зеленому горлышку бутылки. Было видно, что он чем-то расстроен, плечи опущены, глаза прячутся под натянутую до самых бровей бейсболку.

- Привет, - достаточно прохладно поздоровался Спиридонов с товарищем. – Как все прошло вчера? Антон не слишком руки распускал, а то у него это иногда бывает?

- Псих твой Антон! – огрызнулся Никита, приложился к ополовиненной бутылке и несколькими глотками допил пиво и принялся прерывисто рассказывать. – Я думал, ну гомик и гомик, с кем не бывает. Сначала он мне даже нормальным показался, мы неплохо посидели, выпили, Антон объяснил мне, что я должен буду делать, когда мы приедем с ним на очередной вызов. Подержать кошку там или собаку, подавать нужные инструменты и слушать его указания.

- Непыльная работа, - согласился Спиридонов, кивнул на здание вокзала: - Чего стоим под дождем, пошли внутрь, - и первым направился к широким дверям.

Внутри было теплее и от того многолюднее. Товарищи не сразу нашли укромный уголок, где можно было спокойно постоять и поговорить.

- Ты чего такой нервный-то, Антон до тебя домогался?

- Пока нет, но намеки делал, - ледяным тоном произнес Шайбов, достал из рюкзака новую бутылку пива, откупорил и, отпив, продолжил рассказывать. – Он предложил мне остаться на ночь, а ты же знаешь, что я с вокзала на вокзал кочую, вот и согласился. Лучше бы с бомжами на лавке спал, чем с этим...

Я уже засыпать начинал, а тут этот... Даже денег предлагал, урод, а когда я отказался, он начал...

Шайбов рассказывал судорожно, часто отпивая из бутылки, словно его мучила жажда. Дима слушал вполуха, краем глаза наблюдая за миловидной блондинкой, которая везла рядом с собой небольшой красный чемодан на колесиках.

- Он меня вечером снова пригласил к себе, - как-то грустно закончил Никита. – Правда, обещал больше не приставать и денег в долг обещал дать, в счет будущей работы Ты же знаешь, как мне деньги сейчас нужны.

Шайбов умоляюще посмотрел на Дмитрия.

- Поехали со мной, он при тебе приставать ко мне не посмеет, да и мне поспокойнее будет.

Спиридонов проводил взглядом блондинку, безразлично пожал плечами.

- Давай, мне все равно сегодня вечером делать нечего. Тогда встретимся здесь часиков в девять и поедем... Все, пока.

Армейские товарищи распрощались, и каждый пошел по своим делам. Только если Дмитрий поехал на работу, то Никита весь день просто шлялся по городу, не зная, куда себя деть и чем заняться. Ему было противно вспоминать прошлую ночь, и он не понимал, как сдержался, чтобы не врезать Завьялову по лицу за его домогательства.

Вечером Шайбов встретился со Спиридоновым, и они вдвоем направились по знакомому адресу. Товарищи подошли к длинному многоэтажному дому, погруженному в вечерние сумерки. Во многих окнах горел свет, на первых этажах за окнами виднелись силуэты жильцов. Молодые люди поднялись на третий этаж и позвонили в дверь. Им открыл сам хозяин, одетый в одни спортивные штаны.

- А, пришел, - обрадовался Завьялов, увидев Никиту, потом посмотрел на Диму. - Ты вместе с ним решил приехать?

Спиридонов кивнул и первым вошел в квартиру. Внутри квартиры все так же стоял небрежно застеленный разобранный диван. На компьютерном столе «горел» монитор, рядом с диваном валялось несколько пустых бутылок пива.

- Ночевать негде? - сочувственно посмотрел Завьялов на Никиту. - Кушать, наверное, хочешь?

- Ты мне денег обещал, - сухо напомнил Шайбов.

Антон пьяненько улыбнулся, прошел в комнату и плюхнулся на диван, похлопал ладонью рядом с собой, рассматривая юношу.

- Садись... Садись, не укушу, - повторил он с металлом в голосе и сжал несвежую простынь в кулаке.

Шайбов садиться не стал, подошел к окну и прислонился к подоконнику. Его мутило от этого человека, но деньги, которые обещал Антон, ему были очень нужны, да и ночевать на вокзалах становилось все холоднее.

- Деньги, - вновь повторил он. - Мне нужны деньги.

Завьялов поджал губы, нахмурился и проворчал:

- Деньги, деньги, деньги, всем вам нужны только деньги от меня, - пробурчал он и добавил что-то невнятное под нос.

Антон поднялся с дивана, вышел в коридор и скоро вернулся, держа в руках пару скомканных бумажек.

- Держи, - протянул он их Никите.

Тот взял деньги и не глядя, засунул их в карман куртки. В это время Завьялов, подошел к Спиридонову и хлопнул его по плечу:

- Ты можешь мне диск привезти... ну тот, с этим... ну ты помнишь.

- Хорошо привезу как-нибудь, а сейчас мне уже домой пора, а то меня уже мамка потеряла.

Спиридонов, кивнул, подмигнув своему бывшему армейскому товарищу, и вышел из квартиры.

Антон, как и в первый вечер, закрыл дверь на ключ, повернулся к Никите, несколько секунд смотрел на него, а потом подошел к компьютеру, щелкнул «мышкой» и застывшая картинка ожила, наполнив комнату стонами.

- Пива хочешь?

Никита ответил не сразу. У него было жгучее желание немедленно убежать из этой квартиры, но желудок голодно завыл, да и непогода за окном все нарастала, грозясь с неба черными тяжелыми тучами и проливным дождем.

- Давай, - согласился он.

- Убью извращенца! - чуть ли не брызгал слюной Никита.

Он вновь встретился с Димой на Белорусском вокзале, но в этот раз он уже был зол не на шутку. Оказывается Шайбов вновь остался ночевать у Завьялова и тот снова к нему приставал, к тому же до утра крутил гей-порно и не давал ему нормально спать.

- Да он чокнутый на всю голову! Пока я был в душе, он чего-то нажрался, вроде «Виагры» - а потом полночи бесился.

Нет, если он ко мне еще раз пристанет, я его точно замочу, - исходил злым негодованием Никита, яростно меря шагами перрон.

Неожиданно в кармане куртки зазвонил телефон. Он вытащил его, взглянул на номер и брезгливо поморщился.

- Твой дружок, - кивнул на мобильный телефон, поднес его к уху. - Чего ты еще хотел?.. О работе поговорить?.. Извиняешься?

Лицо Никиты из презрительного становилось все более внимательным, в нем проскальзывали нотки любопытства. Он внимательно слушал собеседника на том конце провода. Наконец кивнул и произнес примеряющее:

- Хорошо, я сегодня приеду, но если ты опять будешь... - он не договорил, но Дима заметил, с какой силой сжался его кулак. - Говорить будем только о работе... Отлично. Вечером буду.

Он выключил мобильный телефон, взглянул на Спиридонова.

- Антон говорит, что о работе хочет потолковать, мол, у него приличный заказ назревает и ему помощник нужен.

- Тебе деньги нужны?.. Тогда езжай, а мне домой надо, а то добираться далеко.

Летом 2007 года я только начинал адвокатскую практику и для того, что бы набраться опыта зачастую принимал участие в защите обвиняемых по назначению следствия и суда.

В начале июня из Мещанского районного суда в мою коллегия, поступил запрос о назначении защитника по уголовному делу, связанному с убийством.

Я как раз был дежурным адвокатом, поэтому, приняв телефонограмму от секретаря суда, отправился в суд, для внесения ордера и ознакомления с материалами уголовного дела.

Потолкавшись немного в как всегда переполненном Московском метро, я вышел на улицу и направился к Мещанскому суду, одновременно попивая купленную в ларьке минеральную воду и сетуя про себя, что опять забыл нормально пообедать.

Сам Мещанский суд расположен недалеко от площади трех вокзалов. Я вошел внутрь, предъявил удостоверение, внес судье ордер и направился в уголовную канцелярию знакомиться с материалами дела.

- Здравствуйте, я адвокат по делу Шайбова, - представился я симпатичной девушке за столом уголовной канцелярии, перед которой возвышались внушительные тома уголовных дел. – Меня назначили защитником обвиняемого, - напомнил я на всякий случай.

Барышня понимающе закивала и выложила мне на стол четыре увесистых тома интересующего меня уголовного дела. Уже по их объему я понял, что дело предстоит серьезное. Взяв дело, я расположился за одним из столов, чтобы внимательно его изучить.

В качестве вещественного доказательства к делу была приобщена книга рассказов о гомосексуалистах, автор – Завьялов Антон, активист Гей-движения в России. Когда же я ознакомился с протоколом осмотра места происшествия и увидел, приложенную к нему фототаблицу, то очень удивился, увидев, что погибший и есть Антон Завьялов.

- Интересно, интересно - вчитывался я в листы дела, все более вникая в описанное в них преступление и отмечая для себя документы, которые необходимо будет изучить более подробно.

Из материалов уголовного дела следовало, что обвиняемый Шайбов Никита прибыл в Москву из провинции, искал работу и в результате влип в историю, которая и привела его в тюрьму. Дело казалось интересным, и мне захотелось лично поговорить с подсудимым, который уже более полугода сидел в следственном изоляторе, в ожидании суда. Я сфотографировал на цифровой фотоаппарат наиболее значимые документы, взял у судьи разрешение и направился в СИЗО к своему подзащитному.

В картотеке СИЗО я предоставил судебное разрешение на посещение Шайбова, и, подписав требование на его вывод, направился в следственную часть ожидать, когда мне разрешат пройти в следственный кабинет.

Дежурный по следственным кабинетам проводил меня в небольшую комнату с покрашенным белой краской окном, приваренными к полу столом и двумя

стульями. Вся атмосфера следственного кабинета как бы говорила «забудь надежду всяк сюда входящий»

Минут через 40, в кабинет ввели Шайбова. Из уголовно дела я знал, что он не на много моложе меня, но сейчас передо мной стоял человек по внешнему виду лет на десять старше меня, в смотревших на меня глазах была печаль и тоска. Он молча сел напротив, сложив руки перед собой. Я дождался, пока выводящий закроет за собой дверь, оставив нас наедине.

- Здравствуйте, Никита. Меня зовут Тимушев Артем Андреевич, я ваш адвокат, назначенный судом.

Шайбов посмотрел в мою сторону, склонив голову набок. Казалось, что он даже не слышит меня и вообще не понимает, где находится и что с ним происходит.

- Никита, вы можете рассказать мне, что произошло между вами и Антоном Завьяловым в день его убийства?

Ответа пришлось ждать несколько секунд, в течение которых молодой человек изучал выкрашенную зеленой краской стену напротив, видимо, найдя в ней что-то интересное.

- Я его убил, - лицо его искривилось видимо от нахлынувших на него воспоминаний. - Ведь предупреждал же я его, что если он опять начнет свои гомосекские штучки, я его замочу.

- Поподробнее, если можно, - попросил я, открыл блокнот и приготовился записывать.

Конечно, в уголовном деле был протокол допроса Шайбова и не один, но мне хотелось услышать о произошедшем от него самого. Я указал на обвинительное заключение, которое было с собой у Никиты.

- Здесь написано, что вы изначально познакомились с Завьяловым по поводу работы. Это так?

Никита опустил глаза и спрятал руки под стол.

- Он говорил, что даст мне работу. Ну, там помогать ему с кошками-собаками. Мне срочно нужны были деньги, вот я с ним и познакомился. Лучше бы я этого не делал, - сокрушено произнес он. – Кто же знал, что так все выйдет.

Когда я пришел к нему в тот вечер, мы решили отметить начало нашей совместной работы – Антон выставил коньяк и какую-то закуску. Я думал с ним быстро переговорить, но... в общем мы выпили. Завьялов быстро захмелел и начал рассказывать, что сегодня ездил на очередной вызов. Говорил, что сейчас сотрудничает с какой-то ветеринарной клиникой, которая ему заказы поставляет.

Я пролистал обвинительное заключение и нашел свидетельские показания шофера ветеринарной клиники, который возил Завьялова на вызовы. Кивнул, соглашаясь, и выжидающе посмотрел на подсудимого.

- При мне Антону несколько раз звонили на мобильник. Из разговора я понял, что это по поводу работы.

- Вы долго с ним выпивали?

- Не знаю, - пожал Никита плечами, - может час-полтора. Он потом достал какой-то порошок и мне предложил, но я отказался. Тогда он сам его понюхал и с этого все началось. Несколько минут он кайф ловил, а потом начал раздеваться. Я сразу вскочил и хотел уйти, но он пригрозил, что не возьмет меня на работу, Потом Антон предложил мне еще выпить и обмыть начало нашей совместной деятельности.

Никита говорил неторопливо, почти не глядя на меня, было видно, что ему стыдно вспоминать содеянное.

- После порошка он сам не свой стал – наркоман хренов. Начал приставать ко мне, говорил, что хочет заняться со мной сексом. Я, конечно, его послал, а он

обещал, что свяжет меня и... - Шайбов закашлялся и слегка покраснел.

- И вы его за это убили? – прямо спросил я, глядя в хмурое лицо Никиты.

- Да не за это я его убил. Ладно, когда он просто на словах ко мне приставал, это еще как-то можно было стерпеть, так этот гомик меня лапать начал, ну я и не сдержался.

Подсудимый ненадолго замолчал, собираясь с мыслями и вспоминая случившееся с ним в ту роковую для него ночь.

- У меня с собой нож в куртке был, ну я его и выхватил, а этот придурок продолжал ко мне лезть – завязалась драка.

Я не хотел его убивать! – с надрывом сказал Никита, и на меня взглянули глаза, в которых была мольба поверить его словам. – Этот маньяк начал меня за разные места хватать да еще грозился, что изнасилует, ну я и...

Никита тяжело вздохнул и вновь замолчал.

- И вы его убили, - подсказал я. – Нанесли несколько ударов ножом, после которых Завьялов скончался.

- Я защищался и сам не понимал, что делал.

В обвинительном заключении были приведены данные судебно-психиатрической экспертизы Шайбова, которая подтвердила, что он вполне осознавал свои действия и мог руководить ими. Я сказал об этом подсудимому, на что получил категорический ответ:

- Я – защищался! Он начал меня домогаться и я ответил. Это моя позиция, и об этом я буду говорить и в суде, - твердо произнес Никита.

- Хорошо, - согласился я.

А почему Вы просто не ушли из квартиры, когда Антон стал к Вам приставать?

- А как бы я ушел? Он дверь изнутри на ключ запер, а ключ был у него, я просил меня выпустить, но он лишь смеялся, – ответил Никита.

- Что вы сделали после того, как убили Завьялова?

- Испугался, достал из кармана его джинсов ключ, открыл дверь и убежал из квартиры, – честно признался Никита. – Выбежал на улицу и несколько минут тупо гулял недалеко от дома, не зная, что делать дальше. Потом подумал, что надо скрыть следы и вернулся обратно.

Из материалов дела я помнил, что Никита пытался поджечь квартиру Завьялова.

- Я труп в ванну положил, а сверху штору бросил. Умылся, а то весь в крови был, – Никита посмотрел на собственные руки, сжал дрожащие пальцы. – Решил, что надо устроить пожар, чтобы никто не нашел этого гомосека, да и меня. Только сначала переоделся в его одежду, а то моя... испачкалась, – прозвучало это с небольшой брезгливостью.

- Потом вы посреди комнаты положили свои вещи и подожгли их, – продолжил я, – надеясь, что огонь распространиться по всей квартире.

Мой подзащитный молча кивнул, понуро опустив голову.

Ну, не был он похож на хладнокровного убийцу, и было видно, что парень действительно защищался. Но факты и доказательства говорили, что Шайбов убил человека, вполне осознавая, что делает, и, чем ему помочь, я не знал.

- Да, я решил сжечь свою одежду, а заодно и... - вновь молчание, но теперь не такое длительное. – Потом я закрыл квартиру на ключ и выбросил его в ближайшую мусорку.

- Вы знаете, как вас нашли?

Никита отрицательно покачал головой, но все же сделал предположение:

- Видимо, хорошо работают.

- Не без этого, - согласился я. – После того, как вы подожгли квартиру и скрылись, соседи, почуяв дым, вызвали пожарных. Они-то и нашли тело Завьялова, которое в результате вовремя потушенного пожара почти не пострадало; пожарные вызвали милицию. По факту убийства сразу же было возбуждено уголовное дело.

Вас нашли просто: взяли биллинг телефонных разговоров с места происшествия и пробили по звонкам за последние несколько дней. Оказалось, что вы были последним с кем потерпевший разговаривал по телефону.

Шайбов горько усмехнулся и понуро опустил голову.

- Телефон все время был у меня. Не додумался я его выкинуть.

- Это бы все равно не помогло, так как он был оформлен на ваши паспортные данные.

- Вас уже судили за угон автомобиля и дали год колонии общего режима условно... К сожалению, прошлая судимость негативно скажется на приговоре.

Шайбов поднял тяжелый взгляд, взглянул на меня, произнес, отделяя каждое слово.

- Завьялова я убил, защищаясь от его домогательств. Больше мне нечего сказать.

- Это ваша позиция, и я буду отстаивать ее в суде, - согласился я, понимая, что наш разговор окончен.

Я нажал кнопку связи с дежурным по следственным кабинетам. Через несколько минут пришел выводящий, и увел Никиту обратно в камеру. Наше знакомство с обвиняемым свершилось.

На улице я почувствовал себя более свободным. Все-таки пребывание в СИЗО, пусть и

недолговременное, накладывает определенные впечатления, и весьма не радостные.

Поразмыслив, я решил, что было бы неплохо послушать свидетелей этой драмы...

- Мы быстро приехали по указанному адресу, поднялись на третий этаж, к нужной квартире, а там дверь запертая металлическая, - в голосе пожарного было легкое недовольство. – Вот раньше было... стояли у всех деревянные двери, всадишь по ней ногой, она и откроется, а сейчас – сплошной металл, словно в банках консервных живем. Ее пока бензопилой спилят – полквартиры сгореть успеет, - уныло махнул он рукой.

Я встретился с Котовым Андреем в пожарной части, где он работал. Именно он тогда со своим напарником Морозовым Александром первым вошел в квартиру Завьялова.

- Так вот срезали мы петли, вскрыли дверь и вошли. Я сразу нашел очаг возгорания: посреди комнаты кто-то тряпок накидал, да и поджег их. Ну, Сашка подал рукав через лестничный проем и обдал квартиру струей помощней – за минуту все потушили.

Котов Андрей – пожарный со стажем, отслуживший уже лет десять на этой опасной работе, был мужчиной тридцати-тридцати двух лет, с постоянным прищуром в глазах, и черными от масла руками. Когда я пришел в часть, он как раз разбирался с одной из больших красных машин.

- После того, как очаг возгорания потушен, мы обязаны обойти квартиру, проверить, все ли везде в порядке. Может еще где горит, или человек выбраться не успел, газом угарным отравился и ему помощь нужна. В общем, заглянул я в ванну, а там труп окровавленный лежит. Ну, мы милицию и вызвали. Не наше это дело с трупами разбираться. Мы приехали, потушили, уехали, - вся наша работа, а с трупами пусть менты возьмется, -

пожарный усердно потер ладони промасленной ветошью. – Чего дальше было, лучше у них спрашивайте.

Я кивнул головой, сделал несколько пометок в своем блокноте, взглянул на Котова.

- Напарник подтвердит ваши слова?

- Сашка что ль? Конечно, чего ему вам врать-то. Он же мне помогал, да и труп видел, хотите, спросите его. Вон он, возле пропускной стоит, с Михалычем болтает.

Взглянув куда указывал Котов, я увидел молодого человека в светлых брюках и майке-борцовке, он о чем-то разговаривал с пожилым мужчиной в форме МЧС.

- Нет, ваших показаний мне вполне достаточно. Спасибо. Всего доброго.

Я вышел из ворот пожарной части и мельком взглянул на нависшее над городом солнце. Сегодня оно грело особенно сильно, а мне было нужно еще к одному свидетелю через полгорода добираться.

- Жара, - устало протянул я и вытер со лба капельки пота.

Котов был не первым, к кому я пришел за свидетельскими показаниями. До этого был владелец квартиры, которую снимал Антон. Он ничего нового не сказал, лишь подтвердил, что Завьялов иногда опаздывал с квартплатой, из-за чего он его попросил съехать в ближайшее время. А что до ориентации убитого или его пристрастия к алкоголю и наркотикам, так ему все равно, чем он дома занимался, лишь бы квартиру не взорвал, да счета за коммунальные услуги вовремя оплачивал.

Потом я беседовал с водителем ветеринарной клиники, который возил Завьялова на вызовы. Это был мужчина сорока лет, с недельной щетиной и нервным тиком на левом глазу.

Он рассказал, что уже лет пять знает Антона и довольно близко.

- Я часто ездил с ним, иногда даже помогал, когда случаи были тяжелыми или какую-нибудь псину большую нужно было подержать... Да, я знал, что Антон гей, да он это и не скрывал ни от кого, даже гордился своей нетрадиционной ориентацией. Хотя нервный парень был, мог сорваться в одно мгновение. Помню, он как-то в хозяйку кота-перса запустил пустым шприцом, только потому, что она лишней раз поинтересовалась, что с ее «масиком». Потом пришлось всей клиникой извиняться перед ней.

- То, что Завьялов употреблял спиртное и наркотики, вы знали? – вопросительно посмотрел я на сидящего в низком кресле водителя.

- Да. Бывало, что и выпивали вместе после трудового дня. Про наркотики я случайно узнал: Антон мне как-то по-пьяни предложил какой-то порошок, но я его сразу послал – такими вещами не интересуюсь, и ему советовал завязывать.

- Расскажите мне о том октябрьском дне. Я знаю, что вы приезжали к Завьялову в тот вечер.

- Заходил. Точнее, разговаривал с ним стоя на лестничной площадке. Нам заказ поступил, Антон должен был выехать на усыпление собаки. Ему начальство позвонило и предупредило, потом меня отправили к нему, чтобы забрать, ну, я и поехал.

Мужчина выбрался из глубины кресла, сел почти на его край, положив руки на колени и глядя куда-то в сторону стола администратора.

- Я ему с дороги позвонил и предупредил, что еду, на что он мне выдал, мол, не поеду, не хочу и повесил трубку. Ну, я ему еще раз через несколько минут на трубку звякнул, так он меня снова послал. Я тогда подумал, что он опять выпивший, но по голосу этого не

услышал, поэтому начальству звонить не стал, думал, приеду и уговорю.

- Приехали к нему и что? – вновь вопросительно посмотрел я на внезапно закашлявшегося мужчину. Он быстро встал из кресла, налил себе из кулера воды в стаканчик и залпом выпил его, потом еще раз.

- Что-что, голый он вышел, - произнес водитель недовольно, но тихо, чтобы девушка-администратор за столом не услышала. – Хорошо, что еще прикрылся. Я ему говорю, что у нас заказ срочный, надо ехать, а он мне: «я не могу, я не один и вообще никуда сегодня не поеду». Предложил мне самому сделать собаке укол, даже шприц дал. Ну, что мне делать, пришлось ехать и самому колоть эту псину.

Мужчина скомкал пластиковый стаканчик и бросил в ведро.

Беседы с самим Никитой и свидетелями четко обрисовали мне всю картину происшедшего, и уже исходя из этого, и, конечно, позиции моего подзащитного можно было выстраивать позицию защиты.

Судебное заседание назначили довольно быстро, так что уже через несколько дней я стоял перед зданием Мещанского суда, прячась под зонтом от дождя. Хотелось курить, я уже начал оглядываться в поисках какого-нибудь ларька или магазина, в котором можно было купить сигарет, но как назло поблизости ничего подобного не было. Да, я немного нервничал, ведь это было мое первое адвокатское дело. Я понимал, какую ответственность несу: защитники, как врачи – от них тоже зависит жизнь человека. Конечно, никто не заставляет нас держать скальпель, да и «надрез» (читай – приговор) наносит судья, но в том, каким он будет, заключается, в том числе, и моя работа. Так что я

поправил тяжелую сумку на плече и вошел в здание Мещанского районного суда...

- Для дачи показаний вызывается свидетель Спиридонов Дмитрий Михайлович.

- Секретарь, пригласите свидетеля, - попросил судья – мужчина сорока-сорока пяти лет, с легкой залысиной и в толстых очках. Было видно, что судья внимательно слушал показания свидетелей и в целом с интересом относится к данному уголовному делу.

В зал вошел молодой парень, друг Никиты – Дмитрий Спиридонов, который и познакомил его с Антоном Завьяловым.

Так как свидетель был со стороны обвинения, то прокурор допрашивал его первым, задавая вопросы, уточняя ответы, предъявляя некоторые доказательства, например, тот же биллинг телефонных разговоров покойного.

- Да, это я познакомил Никиту с Завьяловым, - согласно кивнул свидетель и мельком взглянул на клетку, в которой на скамейке, понуро опустив голову, сидел Шайбов.

- Подсудимый знал о сексуальной ориентации убитого? – поинтересовался прокурор – мужчина средних лет в синей свежее отглаженной форме.

- Я говорил Никите, что Антон гей, даже пошутил, что с ним надо быть осторожным, и не поворачиваться к нему спиной, - губы Спиридонова разошлись в легкой улыбке. – Но Никите срочно была нужна работа, так что большого выбора в работодателях у него не было.

- Подсудимый когда-нибудь говорил, что хочет убить Завьялова. Выказывал ненависть к нему?

Спиридонов замялся, вновь посмотрел на армейского товарища и осторожно кивнул, но тут же попытался пояснить:

- Антон несколько дней подряд домогался его, вот Никита и не сдержался. Сказал, что в следующий раз уььет его, если тот опять будет приставать к нему.

Я не только слушал свидетеля, но и внимательно наблюдал за подзащитным. После слов Спиридонова он вздрогнул, осуждающе посмотрел на него и скривил губы, словно Дима сейчас предал его.

- Вы знали, что Шайбов имеет при себе нож? – шел в атаку прокурор, явно чувствуя выигрышное дело.

- Да, - вновь подтвердил Дмитрий. – Он всегда его носил с собой: небольшой перочинный, примерно с таким лезвием, - показал пальцами расстояние сантиметров в семь-восемь.

Голос его звучал все тише, так что обвинителю пришлось попросить говорить его громче.

- Выходит, что Шайбов хотел убить Завьялова и заранее готовился к этому, так как у него при себе был нож, - и это был не вопрос прокурора, а констатация фактов. Мужчина в форме повернулся к подсудимому:

- Кто ходит на встречу по поводу работы с ножом? Только тот, кто задумал, что-то плохое.

- После убийства вы встречались с подсудимым?

Спиридонов задумался на некоторое время, было видно, что в нем борется желание помочь бывшему товарищу, а с другой желание защитить себя. Он выбрал второе, тем более, что из протокола все знали, что Спиридонов виделся с Шайбовым.

- Мы встретились там же на Белорусском вокзале, и Никита сказал, что зарезал Антона. Я еще тогда заметил, что он пришел в новых вещах, оказалось, что это одежда Завьялова, а свою он сказал, что сжег. И еще Никита сказал, что прежде чем поджечь квартиру, забрал все ценные вещи, которые смог найти.

- То есть подсудимый не только убил человека, поджег дом с целью сокрыть следы преступления, но и совершил кражу. Я вас правильно понимаю, свидетель?

Спиридонову ничего не оставалось только, как кивнуть, соглашаясь.

- После этого я Шайбова больше не видел, - закончил Спиридонов негромко, стараясь не смотреть в сторону клетки, в которой сидел некогда его армейский товарищ.

- У меня больше нет вопросов, - улыбнулся прокурор, глядя в мою сторону, странно, что следствие здесь еще и кражу не усмотрело.

В прениях сторон я пытался доказать, что Шайбов совершил убийство не умышленно, что когда он оставался ночевать у Завьялова, то и предположить не мог, что впоследствии, нанесет ему несколько смертельных ножевых ранений. Обвиняемый всего лишь отвечал на агрессивное поведение со стороны потерпевшего, на его сексуальные домогательства и неоднократные издевательства.

- ...Таким образом, я считаю, что мой подзащитный не имел умысла на убийство потерпевшего, а пытался лишь защитить себя, - закончил я свое выступление, завершив тем самым судебные прения.

Теперь право высказать свое мнение принадлежало судье, от него зависела дальнейшая судьба Шайбова, его приговор.

Я сделал все возможное, чтобы хоть как-то облегчить участь подсудимого, но окончательный вердикт всегда остается за судом.

Время текло неспешно, словно специально издеваясь надо мной. Это потом я научился не замечать его, но на своем первом деле я часто смотрел на часы и мысленно подгонял стрелки.

- Прошу всех встать, суд идет! – наконец проговорила секретарь, и в зал вошел «вершитель судеб».

- Суд приговорил, Шайбова Никиту Валерьевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьей 105-ой Уголовного Кодекса Российской Федерации - убийство...

Назначить Шайбову Никите Валерьяновичу наказание в виде девяти лет лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Приговор был вынесен, и надо отдать должное, Никита стойко выслушал его, лишь слегка покачнулся, когда огласили срок, и с надеждой посмотрел в мою сторону. Я уже мысленно обдумывал, как составить кассационную жалобу, считая, что в приговоре суд не в полной мере учел все смягчающие вину Шайбова обстоятельства.

Я писал и в кассацию, и в надзор. Уже когда Шайбов отбывал наказание, мне пришел ответ из МосГорСуда с отказом в возбуждении надзорного производства по моей жалобе.

Мне хотелось добиться снижения срока наказания для Никиты хотя бы на год. Но в итоге я получил от ворот поворот, и приговор суда первой инстанции остался в силе. Мой первый подзащитный отправился в колонию отбывать девятилетнее наказание.

Вот такое у меня было не слишком успешное начало адвокатской карьеры. Оказалось, что людей в суде защищать не так-то просто. Ну и профессию я себе выбрал...

Три гуся¹

Все, наверное, помнят 2009 год и Грузино-Осетинский конфликт, который разгорелся тогда. Я не буду вдаваться в политические подробности этого инцидента, но данные события косвенным образом оказали влияние и на судьбу моего подзащитного.

В том злосчастном для всех Российских грузин году, Зураб Отарович Беридзе трудился на своей старенькой «ГАЗели», занимался частными грузоперевозками. Дело, конечно, невесть какое прибыльное, но свою копеечку он зарабатывал всегда. Зураб был человеком семейным. Жил с женой и сыном, который только-только оканчивал институт и собирался жениться.

Беридзе давно считал себя москвичем, жил в Москве с 70-х годов прошлого столетия и вполне хорошо изъяснялся по-русски. Но национальную принадлежность не спрячешь: легкий грузинский акцент да соответствующая внешность: крупный нос, черные волосы, которые уже успела тронуть легкая седина, и вечно загорелый цвет кожи с первого взгляда выдавали в нем истинного горца.

Именно эта особенность и приносила Зурабу Отаровичу немало неприятностей, особенно в последние несколько лет. Он давно привык к тому, что сотрудники милиции спрашивают у него документы и активно изучают его регистрацию.

И не что, казалось бы, не предвещало беды, но...

¹ Жаргон. Ст. 222 УК РФ (Незаконное...хранение...оружия и т.д.)

Конец января, 2009 год. Как назло погода в последние дни испортилась: потеплело настолько, что снег стал смешиваться с дождем. Я шел на работу, накинув поверх шапки капюшон и шурясь от залетающего в лицо мокрого дождевого снега.

Вокруг в спешке толкался народ, с шумом и гвалтом впихиваясь в общественный транспорт. Несомый людским потоком, я втиснулся в переполненный вагон метро и несколько остановок старался дышать через раз, прижимаемый «уважаемыми пассажирами» к прохладному стеклу дверей. Вывалившись из вагона на нужной мне станции, я одернул куртку, поправил съехавшую на бок шапку и, выйдя из метро, быстрым шагом направился на работу.

После обеда в мой кабинет пришла миловидная блондинка лет сорока – сорока пяти. Она осторожно села на край стула и поставила небольшую сумку себе на колени. Было видно, что женщина немного нервничает, старается не смотреть мне в глаза, будто боится в чем-то признаться. Я по опыту знаю, что когда человек себя так ведет, то дело предстоит серьезное. К сожалению, я не ошибся.

- Артем Андреевич, моего мужа в СИЗО посадили, - начала она.

Я налил ей стакан воды. Она немного отпила и слегка успокоилась.

- Не волнуйтесь так... - я доброжелательно посмотрел на нее. Как вас зовут?

- Светлана Николаевна Сомова, - представилась женщина.

- Светлана Николаевна, - кивнул я. – Расскажите подробнее, что случилось с вашим мужем.

Супруга Беридзе рассказывала сбивчиво, порой перескакивая с одного места на другое. Дополняла историю какими-то подробностями из личной жизни, из

которых впоследствии и начала вырисовываться суть предъявленных ее мужу обвинений.

Как я понял из ее рассказа, несколько дней назад ее муж был заключен под стражу Преображенским судом Москвы по статье – тут она достала из сумки бумажку и зачитала:

- По статье 222 и 223 УК РФ. Его обвинили в хранении и изготовлении оружия, да еще сказали, что он бандит. Но Зураб не такой! – Светлана чуть не упала со стула, резко и порывисто подавшись вперед.

Из ее рассказа выяснилось, что у Беридзе дома имелся газовый пистолет, умело переделанный под огнестрел, а на даче хранился обрез, из которого он порой стрелял по банкам. И кто-то сообщил об этом в милицию.

Ребята из органов с радостью приняли эту информацию и приехали на дачу Зураба с обыском. Он в это время как раз отдыхал, после того, как расчистил снег на дорожках, ведущих к уютному дачному домику. Стук в дверь и громогласный голос «откройте – милиция!» вызвал удивление и легкий шок у хозяина дома, но все же он открыл. Оперативный сотрудник милиции, быстро представившись, без предисловий заявил, кивнув на коллегу, что они знают: у него в доме есть обрез.

- У тебя два выхода: сам ружье сдашь – оформим явку с повинной, получишь условный срок и гуляй. Второй вариант - мы сейчас обыскиваем дом, находим ружьишко и идешь ты по этапу на долгие годы. Выбирай.

Понятно, что Зураб Отарович сам показал, где держит ружье, добровольно отдал патроны и объяснил, что пользовался им только для того, чтобы летом на даче по банкам пустым стрелять.

- Это мы еще узнаем, в кого ты стрелял, - хмуро ответил один из милиционеров. – Одевайся, с нами поедешь.

- Куда? – удивился Беридзе.

- В ОВД, а потом и городскую квартиру твою обьщем. Поехали!

После оформления протокола задержания в отделе внутренних дел, оперативники вместе с подозреваемым проехали к нему на квартиру.

Сильно напугав жену Беридзе, милиционеры нашли в квартире у Зураба переделанный «ИЖ», стартовый пистолет и несколько десятков патронов, которые лежали у него в коробке на антресолях. Понятно, что радости сотрудников правоохранительных органов не было предела. Как же, они «накрыли» чуть ли не оружейного барона, к тому же грузина. Учитывая, какой это был год, и военно-политический конфликт между Россией и Грузией, такие расклады для оперативников были очень даже кстати. Беридзе посадили в милицейский воронок и отвезли в изолятор временного содержания.

Дознаватель ОВД, которому поручили вести данное уголовное дело, тоже не особо долго раздумывал, и в течение суток обратился в суд с ходатайством о заключении Зураба Отаровича под стражу.

При этом Беридзе предъявили обвинение сразу по двум статьям Уголовного кодекса, инкриминируя ему аж пять эпизодов преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов.

Выходило, что по обрезу и патронам, найденным на даче, он получает три эпизода – отдельно за хранение патронов и отдельно за хранение и изготовление обреза, плюс к этому статья за хранение патронов в городской квартире, и еще два эпизода отдельно за незаконную переделку и хранение газового пистолета.

Причем, милиционеры настаивали на том, что несколько патронов, найденных на даче, Беридзе хранил в кармане своей куртки, где они их и нашли при личном досмотре самого подозреваемого.

Возможно, Зураб и отделался бы условным наказанием, как ему вначале и было обещано, если бы он не был грузином. После обысков оперативники ему так и сказали:

- Закрыли мы тебя, потому что рожа у тебя грузинская, а вас теперь надо ловить и сажать. Потом хлопнул рукой ему по плечу и произнес полусшепотом: - Ты нам план по грузинам помог закрыть. С тобой ровно по разнарядке сверху получилось.

Конечно, слышать такое Зурабу Отаровичу было обидно, он считал себя москвичом в большей степени, чем некоторые сотрудники этого отдела.

И ему бы сдержаться и выслушать решение суда об аресте молча, но грузинские корни и темперамент сыграли с ним злую шутку. На суде Беридзе с пеной у рта доказывал, что оружие он выдал сам, добровольно, что ему обещали оформить явку с повинной, и вообще у него скоро сын жениться, и в тюрьму ему сейчас ну никак нельзя.

Все это было высказано с такой яркой харизмой, что, казалось, зал судебных заседаний полыхнет от негодования и возмущения подсудимого.

Не знаю, на фоне ли конфликта двух государств, или из-за рвения выполнить чей-то негласный указ, но судья усматривал в Зурабе чуть ли не международного террориста, который хранил дома целый оружейный арсенал. С чувством глубокого самоудовлетворения он вынес постановление, что Беридзе будет сидеть до вынесения приговора в тюрьме. При этом всем своим видом судья давал понять, что и после приговора Беридзе ожидает тюрьма.

- Вы бы видели, Артем Андреевич, как он смотрел на Зураба, - шмыгнула носом Светлана Николаевна, - будто землю русскую от врага лютого защитил. У меня до сих пор в ушах стоит его монотонный голос.

Миловидное лицо перекосила гримаса презрения, которая, секунду спустя, сменилась горечью. Женщина тяжело вздохнула, вновь отпила воды из стакана.

- Артем Андреевич, вы же ему поможете? – в глазах Светланы была такая надежда и уверенность в моих силах, что я на минуту замешкался, не зная, что ей ответить.

Все же мне пришлось ее расстроить, так как я понимал, что условное наказание Зурабу не светит, т.к. он уже был арестован. И все же я надеялся на определенный положительный исход, на максимально возможное сокращение срока наказания.

- Не волнуйтесь, Светлана Николаевна, я возьмусь за это дело и постараюсь помочь вашему мужу.

Мы еще какое-то время поговорили, я уточнил некоторые вопросы, и мы подписали соглашение на защиту Зураба Беридзе.

Снова меня ждет улица, с ее мокрым снегом и грязью на асфальте. Перед выходом я еще раз проверил документы, которые мне необходимо было взять с собой на встречу к Беридзе.

У каждого адвоката есть свой «дежурный чемоданчик», в котором хранятся документы и бланки, бумага и ручки. Также нащупал во внутреннем кармане пиджака адвокатское удостоверение – без него в СИЗО уж точно не пустят.

Каждый Следственный изолятор в Москве красив по-своему. Конечно, многие слышали о легендарных «Бутырке», и «Матросской тишине», но ведь это не все СИЗО в Москве. Большинство из них выглядят как

обычные здания, находящиеся за высоким забором, на котором по всему периметру протянута колючая проволока. Некоторые изоляторы имеют всего два-три этажа, другие напоминают многоквартирные дома. Стоит поднять голову и можно увидеть решетки на окнах и мелькающие за ними лица их жильцов - осужденных, обвиняемых и подсудимых.

Предъявив свое удостоверение, я прошел КПП и направился к следственным кабинетам.

Прочитав постановление о привлечении Беридзе в качестве обвиняемого, я мысленно отметил про себя, что все эпизоды незаконного хранения оружия и боеприпасов можно было бы объединить в один, тем самым значительно уменьшив итоговый срок наказания. Несмотря на то, что у Зураба Отаровича нашли незарегистрированное оружие и патроны, Беридзе отрицал, что это он переделал оружие, и говорил, что в таком виде их ему подарил сосед по даче.

Я ждал Беридзе в следственном кабинете. Это была небольшая комната со столом и парой стульев, расположенных друг напротив друга. В таких комнатах даже окна не всегда предусмотрены, лишь лампочка под высоким потолком. Никаких других предметов мебели здесь нет и все расположено так, чтобы и адвоката и арестанта всегда было видно в небольшое оконце, расположенное в железной двери. При этом сами сотрудники СИЗО присутствовать при свидании адвоката и арестанта не могут, так как они не должны знать, о чем говорит защитник со своим подопечным.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять, после того как я зашел в кабинет, лязгнул массивный замок, дверь открылась и в комнату вошел Беридзе.

На вид ему было лет сорок пять. Он был одет в черный свитер, спортивные штаны и домашние тапки. С первого взгляда Зураб Отарович был больше похож на пациента больницы, чем на арестанта. Было видно, что

мой клиент немного подавлен: опущенная голова и плечи, тусклый взгляд и печальное выражение лица.

Следственный изолятор, конечно, не исправительная колония, но и там не сладко. Лишь закоренелые преступники, которые давно знакомы с нравами и обычаями подобных мест, ощущают себя здесь уютно. Те же, кто попал в СИЗО в первый раз, порой чувствуют себя неуверенно, загнанно, и тут главное для них не сорваться. Признаться, я много чего видел: арестанты плакали, ругались, кидались на следователей и адвокатов с кулаками.

Все люди разные, и никогда не знаешь, какова будет реакция на помещение в тюрьму того или иного человека.

Сотрудник СИЗО вышел за дверь и закрыл ее за собой, оставив нас с Беридзе наедине. Хотя было видно, как он наблюдает за нами сквозь смотровое окошко.

- Здравствуйте, Зураб Отарович. Меня зовут Тимушев Артем Андреевич, я ваш адвокат.

При этих словах взгляд Беридзе немного просветлел. Я заметил, что как только человек в подобных местах слышит, кто я и чем занимаюсь, он обретает надежду, становится более расслабленным и разговорчивым.

- Это Света, вас наняла? Как она там с сыном?

Я согласно кивнул, пояснил:

- Переживают за вас... Зураб Отарович, я успел ознакомиться с вашим делом и тем, в чем вас обвиняет государство, но мне хотелось бы услышать обо всем этом лично от вас.

Беридзе начал неторопливо рассказывать свою печальную историю, но потом все сильнее распалялся, показывая свой грузинский темперамент. Мне даже пришлось немного отодвинуться, боясь быть сметенным его напором. Он говорил торопливо, размахивал

руками, доказывая мне что-то, пытался объяснить, что ни в чем не виноват. Но при этом я заметил, что Беридзе ни разу не выругался матом, хотя было видно, что он очень многое хотел сказать о том, что думает о системе Российского правосудия. Когда он закончил и успокоился, я задал, наверное, самый важный для любого адвоката вопрос. От ответа на него зависела вся моя дальнейшая работа и, в том числе и судьба подсудимого.

- Зураб Отарович, вы признаете свою вину?

Беридзе задумался на несколько секунд.

- Наверное, да, - неуверенно ответил он. – У меня было оружие без документов, но я же из него не по людям стрелял, да и не мое оно. Он почесал затылок.

- Сколько мне светит?

Тут пришла моя очередь задуматься. Не всегда можно точно сказать какой срок назначат подсудимому за то или иное преступление. Слишком много переменных в принятии такого решения: сама статья, поведение подсудимого, позиции обвинения и защиты, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, конечно, личность судьи, принимающего решение - все это я объяснил Зурабу.

- Я говорил, что предварительно ознакомился с вашим делом. Думаю, что все пять эпизодов преступлений, которые вам вменяют, можно будет объединить в один. Мы будем настаивать на этом и, если все получится, то будем рассчитывать на наказание в полтора-два года лишения свободы.

- А меня пугали, что закроют лет на пять – не меньше.

Я даже улыбнулся от такого заявления.

- Если все, что вы мне рассказали, правда, то вас просто запугивают.

- Надеюсь, надеюсь.

Попрощавшись с клиентом, я вышел из СИЗО. Крупными белыми хлопьями падал снег, покрывая серую слякоть на дорогах, словно покрывалом. Укрытые пологом падающего снега, по своим делам спешили люди, которым было все равно, что буквально рядом с ними за крепкими кирпичными стенами соседнего здания находятся такие же люди, лишённые свободы.

Достав сигареты, закрывшись от снега, я прикурил. Знаю – плохая привычка, но никак не могу от нее избавиться, хоть и обещаю себе каждый раз, что брошу.

Казалось бы, давно уже пора стать циником и пофигистом, но я всякий раз хоть немного, да переживаю за клиента. Будь он хоть десять раз виноват, я считаю, что каждый имеет право на сопереживание, поэтому не гнушаюсь хотя бы раз в пару недель, сходить к своему подзащитному, не ради выяснения новых обстоятельств по делу, а просто по-человечески: прийти, поговорить или передать весточку от родных и близких.

Следующие пару месяцев превратились для меня в нескончаемый бег с препятствиями. Нужно было собрать и проверить доказательства по делу Беридзе, переговорить с предполагаемыми свидетелями по делу. И если с женой и сыном Зураба Отаровича проблем не было, то с другими пришлось сложнее.

Например, выяснилось, что сосед по даче, который и передал оружие моему подзащитному, умер несколько месяцев назад. Естественно пришлось разговаривать с вдовой, которая утверждала, что ничего не знает о добрососедских делах своего мужа на даче, и была очень удивлена моим вопросам.

- Мой муж всегда был законопослушным гражданином, - рассказывала мне шестидесятилетняя вдова. – Я не знаю, было ли у него оружие или нет, и передавал ли он его Зурабу. Они дружили, выпивали иногда вместе. Беридзе оставлял нам ключи от своего

дачного домика, но не думаю, что мой муж мог воспользоваться этим ради каких-то незаконных дел.

Женщина, изучающе посмотрела на меня, неторопливо наливая и предлагая мне кружку горячего чая. Я в это время записывал ее показания. Идея с чаем оказалась очень кстати. После промозглого дня, это было самое оно, чтобы согреться, но дело было, прежде всего.

- Беридзе утверждает, что именно ваш муж передал ему обрез и патроны, - настаивал я на своем.

По тому, как вдова скептически посмотрела на меня, я понял, что она не очень доверяет этим словам.

- Повторяю вам, я ничего не знаю о делах своего мужа с нашим соседом по даче, и тем более ничего не слышала о том, чтобы у нас было дома какое-то оружие.

Стало понятно, что ничего больше я от нее не добьюсь. Поэтому я убрал блокнот, быстро выпил слегка остывший чай и с чувством выполненного долга попрощался со свидетелем.

Вновь я шел по улице, по грязному снегу. Мало того, что погода не радует, так еще и свидетели подводят. Не на такой разговор я рассчитывал. Тем не менее, нужно побеседовать еще с двумя людьми, и я понимал, что с ними придется сложнее всего. Это были два сотрудника уголовного розыска, которые задерживали моего подзащитного.

С одним из них, Вороновым Николаем, я разговаривал в кафе, куда пригласил его, встретив после работы. Узнав, кто я, и по какому вопросу он сначала отказался со мной общаться, сославшись на занятость, но в итоге мне удалось его уговорить, сказав, что наша встреча не займет много времени и что пиво с меня причитается.

- Расскажите мне о задержании Беридзе, - попросил я.

Воронов, мужчина лет тридцати пяти, внимательно посмотрел на меня, немного отпил из бутылки и поинтересовался:

- Вы протокол задержания читали? Там все указано, а мне добавить нечего.

- И все-таки? Может, вы что-то забыли в нем указать, - сделал я предположение. - Например, вы говорили, что пришли в дом к Зурабу по оперативной информации. Это так?

- Да, - пожал плечами Воронов. - К нам поступила информация, что этот грузин хранит у себя дома пистолет, а на даче обрез с патронами. Ну, мы с напарником и выехали по указанному адресу. Там уже нашли ружье и несколько десятков патронов. В квартире обнаружили газовый пистолет, стартовый еще, по моему, были и патроны. Он их в коробке на шкафу прятал, - усмехнулся он, потом кивнул на мой открытый блокнот: - Читайте протокол, там все написано.

Похоже, мои вопросы не очень-то нравились Воронову, но он отвечал, не забывая попить пиво и поглядывать по сторонам, было видно, что ему было скучно.

- Вы также указываете, что Беридзе сказал вам, что это он изготовил обрез, - я вопросительно посмотрел на моего собеседника, и, когда тот промолчал, продолжил: - Однако мой подзащитный утверждает, что изготовлением оружия не занимался, а обрез ему отдал на хранение сосед по даче - что-то не сходятся его слова с вашими.

- Вы верите грузину? - усмехнулся Воронов. - А если он скажет, что ни в кого не стрелял, вы тоже поверите?

- Поверю, пока не будет доказано обратное, - прохладно ответил я.

Не нравился мне этот сотрудник Угро с его слегка хамоватым тоном и явным пренебрежением к

национальности моего клиента. Поэтому разговор был недолгим, мне всего лишь надо было получить подтверждение тому, что зафиксировано в протоколе задержания. Расплатившись и быстро распрощавшись, я ушел из кафе, пытаясь быстрее избавиться от неприятного ощущения, оставшегося после общения с Вороновым.

Вот с его напарником – Никитиным Сергеем, говорить было гораздо приятнее. Вполне вежливый мужчина лет тридцати, вполне себе интеллигентный. Он спокойно мне все рассказал, не вдаваясь в подробности, от того его история звучала так, словно он пишет рапорт, заранее прорабатывая в голове каждое следующее слово. Общение получилось приятное, но не продуктивное. Ничего нового я не узнал. Все, что рассказали мне опера, и так было известно из материалов дела. И все же информация по делу потихоньку собиралась и проверялась, а папка с адвокатским досье пухла буквально на глазах.

В то время пока я бегал по свидетелям, пытаюсь собрать как можно больше информации, со стороны обвинения проводились следственные действия. По изъятому оружию и боеприпасам были назначены и проведены баллистические экспертизы.

Это обычная практика, когда патроны и оружие проверяют на «пригодность». Вдруг вы носите в кармане «холостые» или уже не боевые патроны, а вас обвиняют в незаконном хранении боеприпасов. Вот такая экспертиза и поможет вам оправдаться.

Возможно, кому-то покажется, что все эти мероприятия производятся за считанные дни, но поверьте, от задержания и предъявления лицу обвинения до вынесения судом приговора проходят не недели – месяцы. Думаю, в практике многих адвокатов были случаи, когда подсудимым давали реальный срок наказания и тут же отпускали, так как в счет наказания

им засчитывалось время, которое они уже отсидели в СИЗО до суда, ожидая приговора.

Пока проходили следственные действия, а я собирал адвокатское досье для защиты, Беридзе неплохо устроился в камере. Я навещал его два-три раза в месяц, передавал кое-какие весточки от родных, уточнял подробности дела. Так вот за эти несколько месяцев, Зураб Отарович полностью освоился с новой жизнью и даже не жаловался на нее, и как будто чем-то даже гордился.

- А что, - говорил он, вольготно расположившись на стуле в следственном кабинете, где у нас проходили свидания, - жена «греет», да и коллектив в хате нормальный.

Беридзе даже грудь выпятил.

- То есть Светлана Николаевна вам передачи носит, и в камере у вас доброжелательная атмосфера? – уточнил я, всматриваясь в подзащитного.

Тот согласно кивнул и почесал небритый подбородок. До СИЗО Беридзе ходил с гладко выбритым лицом, а здесь же позволил себе расслабиться и отпустить бороду, из-за чего стал более походить на истинного абрека.

- Двести семнадцатую мы с вами подписали, с материалами дела ознакомились - начал я. – Дело в суде и нам уже даже назначили день, когда будет предварительное судебное заседание.

На этом месте Зураб Отарович напрягся. Положил руки на стол и крепко переплел пальцы.

- Что мне грозит, Артем Андреевич? – хрипловатым голосом спросил он, пристально глядя на меня.

Я поглядел на лежавшие на столе бумаги, в которых были отражены показания свидетелей, результаты экспертиз и самое главное – наша версия защиты, выработанная мною по делу Беридзе.

Имея на руках все необходимые документы, я уже мог более смело делать прогнозы на будущее.

- Вам инкриминируют пять эпизодов по двум статьям уголовного кодекса, - начал я. – Три идут по обреза с патронами, две остальные по пистолету и патронам от него.

Даже первокурсник юридического колледжа вам скажет, - я постучал пальцем по документам, - что изготовление оружия у вас должно отпасть за недоказанностью, а все, что касается хранения совокупиться, так как преступление было совершено вами в одно время, с одним умыслом, и, поэтому, весь ваш арсенал должен быть объединен всего в один эпизод. Учитывая, что раньше вы не привлекались и характеристики у вас хорошие...

Я задумался на пару секунд, еще раз взвешивая все свои доводы и убеждаясь, что ничего не пропустил.

- Можно рассчитывать максимум на два года, но, естественно, мы будем настаивать на меньшем сроке. Практика показывает, что в подобных случаях суд может назначить наказание до одного года лишения свободы.

После моих слов Беридзе облегченно выдохнул, разжал пальцы и откинулся на спинку стула, прикрыв глаза.

Суд был назначен в начале мая. Пока народ праздновал день мира и труда и готовился ко дню Победы, мы с Беридзе ожидали первого судебного заседания.

В теплый майский день в половине одиннадцатого утра я стоял перед Преображенским судом города Москвы. Открытое в 2007 году новое здание, представляло собой смесь бетона и стекла, возвышаясь над районом и выпячивая в его сторону двухэтажный полукруг судебных залов,

поддерживаемый белыми столбами. Я прошел мимо них, поднялся на второй этаж и вошел в зал суда: небольшое помещение с парой лавок для публики, двумя столами для защитника и обвинителя, судебной трибуной, «аквариумом» для подсудимых и стоящим на возвышении столом, за которым располагался сам судья. В зале уже сидело несколько человек, явно не относящихся к нашему процессу, – студенты, которые проходили в суде межсессионную практику. Мой клиент уже был в аквариуме. Я подошел к нему, поздоровался и уверил, что все будет хорошо. Он согласно кивнул и сел на скамейку, откуда улыбнулся вошедшим в зал жене и сыну.

- Встать, суд идет! – провозгласила секретарь в начале двенадцатого часа, и началось заседание.

С этого момента время для меня перестало существовать, оно исчезло, расширило свои невидимые границы и, казалось, последующие судебные часы пролетели, как минуты.

Дело Беридзе рассматривал тот же судья, который ранее заключал Зураба Отаровича под стражу, а значит, как это ни прискорбно признавать, он уже был к нему несколько предвзят. Не зря, наверное, судья так грозно посмотрел на моего подзащитного, когда проверял и уточнял его анкетные данные.

Процесс пошел своим чередом. Последовательность действий участников уголовного процесса в суде четко регламентирована уголовно-процессуальным законом.

Прокурор зачитала обвинение, и началось судебное следствие.

Каждый свидетель вызывался за трибуну и рассказывал то, что ему известно о данном деле.

Следом огласили экспертизы и иные письменные доказательства: суд уточнял детали по тому или иному документу. Со стороны это могло показаться рутинным

делом, и некоторые зрители-студенты откровенно зевали.

Обвинением были представлены и вещественные доказательства: обрез, переделанный газовый пистолет и патроны. Подкреплялись они заключениями экспертов-баллистов.

К сожалению, эксперты, проведя научные исследования, установили, что и обрез и самодельный пистолет стреляют отменно, а патроны к ним вполне подходящие и боевые.

Когда все доказательства были исследованы - начались прения сторон.

Тот, кто считает, что хороший адвокат - это лишь ходячий справочник уголовного права, ошибается. Важно не только знать, что сказать, но и как подать эту информацию суду. Хороший адвокат должен быть еще и хорошим оратором. Признаться, я каждый раз отрабатываю свои выступления на прениях сторон перед зеркалом или женой, представляя, что нахожусь в зале суда. Иногда записываю речь на диктофон и прослушиваю, чтобы выявить корявые слова и отточить отдельные детали своего выступления. В некоторой степени именно речь защитника или обвинителя может сыграть решающую роль при принятии окончательного судебного решения.

С обвинительной речью выступил прокурор, он просил признать моего клиента виновным по всем пяти инкриминируемым преступлениям и назначить ему итоговое наказание в виде пяти лет лишения свободы.

После выступления гособвинителя мой подзащитный заметно сник.

Я со своей стороны выступил с позицией защиты, и попросил суд объединить все эпизоды хранения оружия и боеприпасов в одно преступление, а по эпизодам изготовления оружия моего подзащитного оправдать, назначив ему минимально возможное наказание.

Подсудимому предоставили право последнего слова. В нем он еще раз отметил, что все изъятое у него оружие и боеприпасы ему подарил его сосед по даче, и что сам он ничего не изготавливал.

Затем судья объявил о том, что он удаляется для вынесения приговора. Потянулись минуты ожидания. Для любого, кто находится в суде, будь то прокурор, адвокат, или сам подсудимый, этот момент самый длительный и напряженный.

Наконец открылась дверь, и зал замолк.

Суд приговорил Беридзе Зураба Отаровича признать виновным в совершении трех преступлений, предусмотренных частью первой статьи 222 Уголовного Кодекса Российской Федерации

На основании статьи 69-ой части второй Уголовного кодекса Российской Федерации путем частичного сложения назначенных наказаний, по совокупности преступлений назначить Беридзе Зурабу Отаровичу окончательное уголовное наказание в виде трех лет и шести месяцев лишения свободы без штрафа с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

- Оправдать Беридзе Зураба Отаровича по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьей 223-ей частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с непричастностью к совершению данных преступлений, - сухо зачитывал судья.

Зураб сидел, закрыв глаза, его грудь высоко вздымалась, а лицо побледнело. Он слушал приговор молча, не выказывая своего темперамента и эмоций, видимо, понимая, что сейчас они ему не помогут.

Судья окончил оглашение приговора, и ко мне сразу же подбежала жена Беридзе, в ее глазах было непонимание и укоризна.

- Артем Андреевич, вы же обещали... говорили, что больше двух лет не будет... ну, как же это так? За что мы вам деньги платим? – не сразу нашла она слова, и я ее прекрасно понимал, но не знал, что сказать ей в ответ.

- Светлана Николаевна, не волнуйтесь, мы обжалуем решение суда, подадим кассационную жалобу и добьемся, чтобы вашему мужу снизили размер наказания, - уверял я ее, чувствуя свою вину, ведь я обещал ей гораздо меньший срок. – Мне выдадут приговор, и я начну работу над жалобой.

Так и вышло. Я получил приговор и буквально на следующий же день составил кассационную жалобу:

«...Приговор суда первой инстанции в части, касающейся квалификации преступления, совершенного Беридзе (неправильное применение уголовного закона), а также в части назначения Беридзе наказания (несправедливость приговора) является несправедливым, чрезмерно суровым, - писал я, прося изменить квалификацию действий своего подзащитного: - исключить излишнюю квалификацию нескольких эпизодов по части первой статьи 222 УК РФ... квалифицировать его действия как один длящийся состав преступления».

Еще я указал, что суд не учел смягчающих обстоятельств, хотя в приговоре было указано, что данные обстоятельства были приняты судом во внимание, но фактически, учитывая строгость приговора, они оказались не учтены.

Я просил суд кассационной инстанции при изменении приговора сократить назначенный Зурабу Отаровичу срок лишения свободы, а так же рассмотреть возможность применения к Беридзе нормы закона, предусмотренной ст. 73 УК РФ, т.е. постановить считать назначенное наказание условным. Вот таким, по моему мнению, должно было быть решение суда, которое учитывало бы как обстоятельства, доказывающие вину

Беридзе в незаконном хранении оружия и боеприпасов, так и смягчающие его вину обстоятельства.

Через три месяца Мосгорсудом было вынесено кассационное определение о сокращении срока лишения свободы Беридзе на год, т.е. до двух с половиной лет. При этом суд кассационной инстанции полностью согласился с моими доводами о том, что действия Беридзе по незаконному хранению оружия и боеприпасов составляют единое, длящееся преступление. Вроде бы это была победа, но я же обещал не больше двух, поэтому подал жалобу и в надзорную инстанцию, но, к сожалению, это так ничего и не дало – в итоге так и осталось два с половиной года лишения свободы.

Как ни странно, но Зураб Отарович на меня был не в обиде. После того как он освободился, мы встретились, и он признался, что в общем он мне благодарен. Он нисколько не жаловался на арестантскую жизнь, рассказывал, что сиделось ему хорошо и вольготно.

- Знаешь, Артем Андреевич, я даже немного горжусь тем, что мне, как грузину, привесили полгода лишних, - признавался Зураб Отарович, наливая мне еще одну рюмку крепкого грузинского чая.

**Это были первые 3 главы моей книги,
представленные для ознакомительного чтения.**

**Для приобретения книги целиком
пройдите по ссылке на официальный сайт
Тимушева Артема Андреевича**

<http://timushev.ru/kniga>

С уважением,
Тимушев А.А.